

Владимир
ВАЛУЦКИЙ

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

Русская проза

Русская проза (Вече)

Владимир Валуцкий

Зимняя вишня

«ВЕЧЕ»

1985–1995

Валуцкий В. И.

Зимняя вишня / В. И. Валуцкий — «ВЕЧЕ», 1985–1995 — (Русская проза (Вече))

ISBN 978-5-4484-7742-3

Это же простая арифметика: если два человека любят друг друга, если им вместе бывает так хорошо, что и не придумать, – значит, они должны быть вместе всегда? На пути к долгожданному счастью герои романа Ольга и Вадим пройдут через тоску разлук, горечь обид, муки ревности, годы безнадежности и часы надежды. И их счастье будет поистине выстраданным и заслуженным. История, рассказанная автором, замечательным писателем и сценаристом Владимиром Ивановичем Валуцким, с любовью и сочувствием к своим героям и окрашенная то грустью, то мягким юмором, – удивительно узнаваема и оттого близка всякому, хоть раз любившему по-настоящему. И недаром фильм и сериал «Зимняя вишня», снятые по роману режиссером И. Масленниковым, по праву стали одними из лучших и популярнейших произведений о любви в отечественном кино.

ISBN 978-5-4484-7742-3

© Валуцкий В. И., 1985–1995

© ВЕЧЕ, 1985–1995

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Валутский

Зимняя вишня

Если в этой истории что-то покажется вам слишком простым и узнаваемым – вы будете правы: наукой точно доказано, что в отношениях между людьми существует всего 36 ситуаций, из них и складывается наша жизнь.

А если вам что-то покажется слишком похожим на сказку – вы тоже будете правы. Ведь из 36 ситуаций, как из 36 карт, по выражению одного великого автора, порой так причудливо тасуется колода...

Знак информационной продукции **12+**

© Валутский В.И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая Ольга о себе

Глава первая Исключительно. Замечательные люди

Мне бабушка рассказывала: в молодости они гадали под Крещение. Как-то по-особенному ставили зеркала, глядели в них через свечи и загадывали на суженого. И бабушка один раз увидела лестницу – парадную, высокую, с ковром. И вот, она говорит, на этой лестнице появляются ноги в лакированных штиблетах, такие были модными тогда, – и медленно шагают вниз. А самого человека не видно, но еще чуть-чуть, и можно будет разглядеть его лицо. Тут она испугалась, свечи сбросила и из комнаты вон. Я говорю: бабушка, чего ж ты, глупая, побежала – суженого бы увидела. А она говорит: какой там, к лешему, суженый – страшно стало, до ужаса...

Почему-то этот рассказ мне запомнился. Я уже и замужем побывала, и развелась – а иногда приснится бабушкино гадание, лестница с ковром и ботинки, которые по ней шагают. Так, мимолетно приснится. Перед тем, как проснуться.

Вот и на этот раз я проснулась, на минутку задремав, и вижу: все правильно – ботинки на ковре. Только не лаковые, а самые обыкновенные. Принадлежат Вадиму. И он их уже надел и перед зеркалом натягивает свитер.

На часах половина двенадцатого. Лампа горит. В комнате тихо.

– Уже уходишь?

– Пора.

Могла бы и не спрашивать. Сама знаю, что пора, жена заждалась, бедная.

Он надел пиджак, ласково улыбается.

– Ну, малыш, пока? – Это я малыш.

– Пока.

– Тебе тоже спать пора.

– Конечно.

– Не заводись.

– Да что ты, конечно, пора спать. Уже сплю.

– Вот и умница.

Мы смотрим друг на друга, оба улыбаемся, как все понимающие современные люди, – а глаза у него беспокойные, и написано в них одно: господи, до чего же эта прощальная процедура опостылела! Да и у меня глаза не лучше.

– Не сердись, малыш. Все хорошо.

– Конечно. Третий год все хорошо.

Лицо Вадима сразу становится серьезным, расстроенным.

– Малыш, мы ведь договорились...

– Да ладно, я ничего не сказала.

– Сама проснешься или тебе позвонить?

– Меня разбудят.

– Это кто же тебя разбудит? – в голосе промелькнула ревность.

– Один надежный товарищ.

Подыграла. Сейчас дальше будем играть в Отелло и Дездемону.

– Что еще за товарищ? Ты знаешь, каков я в гневе?

– Знаю...

Подходит к дивану, наклоняется, наваливается, душит.

– Р-р-р!... Страшно?

– Страшно. Иди.

– А вот я не уйду.

Что уходить не хочется – тоже знаю. Это правда. Кому же хочется – в ночь, от тепла, уюта. До чего же мы, господи, оба несчастные...

– Ну какой у меня может быть товарищ? Конечно, будильник. Иди. – Он целует в щеки, в шею. – Ну уходи... Слышишь? Уходи, уходи, уходи...

Он поднялся, вздохнул. Сейчас рукой тихонько и нежно погладит по щеке. Вот так. И – быстро уходит, пока я притихла. Исчез в передней, вернулся уже в плаще.

– Пока?

– Езжай осторожнее, не торопись.

– Спи, малыш. До завтра!

Дверь хлопнула.

Раньше я от этого хлопка плакала. Уже год не плачу.

Что же, действительно пора спать. Антошка уже давно спит у себя за плотно закрытой дверью. Заглянула к сынуле. Сопит. Нога вылезла из-под одеяла и гуляет сама по себе. Заправила ее обратно – даже не почувствовал. Спит, как зверь бурундук.

Погасить свет в прихожей, idiotский выключатель: за веревку семь раз дернешь, пока сработает. На восьмой – гаснет.

Стою в ванной, где колготки развешаны – мои вперемежку с Антошкиными, смываю глаза, гляжу в зеркало на физиономию. Если честно, я отношусь к ней неплохо. Для без малого тридцати – еще вполне ничего. Могла бы, правда, быть немного повеселее...

Зазвонил телефон. Кому еще к ночи неймется.

– Да.

– Ольгунька! Ау!

Валя, соседка этажом ниже. Очень веселенькая. В трубке музыка и голоса.

– Ты одна?

– Одна.

– Тогда спускайся к нам. У нас такие люди!

– Я сплю, Валюшка.

– А ты просыпайся и приходи. Подожди...

– Ольга? – это уже мужской голос, решительный баритон. – Ты что там дурака валяешь?

– Сашка, настроения нет веселиться.

– Настроение организуем. И вообще – состав объявлен, замены не принимаются. Подожди...

– Ольгунчик! Ау, мой хороший! Ты спускаешься?

– Валюшка, я уже вся умытая...

– И очень тебе идет! Все ужасно жаждут тебя видеть.

– Кто?

– Исключительно замечательные люди, ты их не знаешь. Ну давай, просыпайся. Лариска уже спускается. – И тихо, прикрыв трубку: – Здесь для нее такой вариант... Между прочим, только что развелся. Ага?

– Хорошо. Зайду на минуточку.

– Ждем!

Только успела снова глаза намазать, натянуть на себя свитер и юбку – звонок в дверь. Лариса, другая соседка, этажом выше. Принарядилась – белая кофточка с бантом, туфли, даже губы покрасила. Очки придают торжественность облику. В руках у Ларисы сковородка.

- Готова? Ванилин у тебя есть?
- Не знаю, посмотрю. А зачем?
- Валюшка торт печет.

Достаю ванилин, Лариска крутанулась перед зеркалом, оглядывая внешность. Как бы между делом.

– Я лично тоже на полчаса. Завтра день сумасшедший, с утра – в банк, и Сережка расклеился. Спит и чихает, чертенок. В саду сквозняки. А что за люди, не знаешь?

- Говорят, исключительно замечательные.
- Ну поглядим – и спать. Пошли?
- Подожди... выключатель...

Отправляемся в путь, на четвертый этаж.

Дверь уже приоткрыта – ждут. Голоса, что-то пригорело на кухне.

- Можно?
- Приветик!

В прихожую выбегает Валюшка. Вся раскрасневшаяся, деятельная, счастливая. Вот кто настоящий малыш, а не я. Мне по плечо. Она у нас с Лариской третий ребенок: Антошка, Сережка и – Валюшка. И в сад вместе ходят, только они – воспитанники, а Валюшка – воспитательница.

Сдаем ей сковородку и ванилин.

- Держи. Что за праздник?
- Мы с игры. Сашка, правда, не играл, но игра была все равно – исключительная! Проходите. Я сейчас...

Обстановка в Валюшкиной комнате спартанская: стол, стулья, тахта – и все. Зато на столе изобилие. Какие-то яркие заграничные баночки, пакетики, коробочки. Вино, самовар для чаепития. На тахте расположились трое мужчин, двое незнакомых, третий – Сашка, Валюшкин хоккеист.

– Значит, так, – представляет Сашка, – справа от нас, которая очень красивая, – девушка Оля. Слева, которая тоже очень красивая, – девушка Лариса.

– Павловна, – уточняет Лариска, надменно кивнув мужчине, рядом с которым усадил ее Сашка, – очень подтянутому, в темном костюме и галстуке.

– Герберт... Мартынович...

– Гость из столицы! – объявляет Сашка торжественно, а в комнате появляется Валюшка с подносом, прямо-таки одуревшая от счастья, от любви, от своего торта.

– У Герберта знаете кто отец? Герберт, скажи!

– Ну... Это здесь ни при чем, – нахмурился подтянутый.

– На скамью посажу, – тихо, головы не повернув, бросает Валюшке Сашка. – Мы сами тоже чего-то стоим, верно, Гера? Тоже достойно представляем нашу альму-матер.

– Герберт весь мир объездил! – опять восторженно встречает Валюшка. – В каком ты, Герберт, сейчас городе в Швейцарии работаешь, я забыла?

– Ну если быть точным, то в настоящий момент не работаю.

– Ничего, старче. – У Сашки в одной руке стакан, другой он хлопает гостя по плечу. – Сегодня здесь, завтра снова в Женеве – ваше дело такое!

– Значит, Герберт Мартынович у нас дипломат? – сурово спрашивает Лариска. – А что же ты, Сашка?

– Чего – я?

– Почему ты не дипломат? Если вы в одной альме-матери учились?

Я-то хорошо знаю Лариску: ей обязательно надо с первой минуты самоутвердиться, особенно с незнакомыми мужчинами.

– Потому что Сашенька ушел в большой спорт! – чуть не плача от Ларискиной тупости, кричит Валюшка. А Сашка тоскливо обращается к третьему:

– Веня, объясни девушкам.

Про третьего я еще не сказала: какой-то чудной, в свитере мешком, вид диковатый, неухоженный, и даже вроде не очень мытый. Он снял очки, почесал переносицу.

– Видите ли, девушки. В области высшего образования случается много неожиданностей. И жизнь порой поворачивается самым удивительным образом. Действительно, мы все трое учились вместе. В одной столовке в электротехническом трескали сосиски, рубали компот. Надеюсь, не забыл, Гера? А теперь он – москвич, представляет отечественную электронику за рубежом, Сашка с электронной скоростью гоняет по полю шайбу, а я на электронной технике подсчитываю общественное мнение об их деятельности.

Сашка засмеялся, удовлетворенный, и представил:

– Вениамин, научный человек.

Вениамин надел очки, поклонился и прибавил:

– Советский Союз...

Сидим, попиваем вино, едим Валюшкин торт, заграничные сласти, звучит тихая музыка. Посиделки как посиделки, а настроение у меня неважное. Наверное, не нужно было идти, ничуть не развеселили исключительно замечательные люди, скорее наоборот.

И этот Вениамин, Советский Союз, оказался такой болтун. И выпил-то рюмку, а все говорит, говорит:

– ...а ведь могла судьба распорядиться иначе, и я родился бы где-нибудь в Лимпопо, и не учились бы мы с тобой, Гера, в одном институте, не ходили бы на Сашкин хоккей, не ели бы этот торт в обществе милых девушек. Вот за это, понимаешь, я и люблю страну, где родился, живу и буду жить. И это не обреченность, а осознанная необходимость – иначе само понятие родины теряет смысл, верно, Сашка?

Очки он то снимает, то надевает, окурки тыкает куда попало – на месте Валюшки убила бы его. А Валюшка сидит, влипнув Сашке под мышку, и слушает – ей все ново и интересно.

– Кто же спорит, – отозвался Сашка.

– Саша... – Валюшка забеспокоилась, увидев, как он, уже заметно смурной, потянулся к бутылке, – еще же не вечер...

– Я тоже не спорю, я просто увлекся, понимаете, а вообще ужасно, по русской привычке хочется спорить, утверждать, опровергать, понимаете, мы так мало спорим, ребята, а жаль... Оля! – поворачивается он к Лариске. – Я призываю вас спорить!

– Ой, давайте! – хлопает в ладоши Валюшка.

– Я согласна, – говорит Лариска. – Если только вас не смущает, что я – Лариса.

– Вы – Лариса. – Ничуть его не смущает. – И это прекрасно! Ведь мы, Лариса, вот так собираемся, говорим на общие темы и расходимся, ничем взаимно не одарив друг друга. А ведь каждый из нас знает что-то такое, чего не знают другие или не догадываются, у кого-то болит душа, кто-то кем-то очарован, кто-то в чем-то разочарован... Ну ладно, Герка – он по заграницам от наших обычаев отвык, а мы-то с вами!

Тут Герберт, который словно закоченел в своем костюме с галстуком, вдруг несогласно шевельнулся:

– Это неверное суждение.

– В смысле? – проснулся Сашка.

– Живя, как вы говорите, по заграницам, как раз и начинаешь понимать, что для человека важнее всего.

– А что важнее всего? – спрашивает Валюшка.

– Наверное, простое человеческое счастье, – сказал Герберт и, кажется, в мою сторону посмотрел.

– Верно, – согласился Вениамин, – но пока его нет, простого человеческого, счастье уже и в том, чтобы всласть поспорить, поскулить, поплакаться в жилетку. А особенно – для женщин. Верно ведь, Лариса?

Лариска надменно произнесла:

– А почему вы женщину как-то особенно выделяете?

– Женщинам всегда больше всех доставалось. Мужчины все-таки сильный пол, вон посмотрите на Сашку: гладиатор двадцатого века, ледовый рыцарь!

Лариска усмехнулась:

– Рыцарей вообще нет. Никаких. Мужчины себя изжили! – И, отодвинувшись на диване, закурила. Потому что вышла на коронную тему, мы тоже часто говорим об этом втроем, за бутылочкой. А может, потому, что Герберт опять на меня внимательно посмотрел:

– И Оля так же думает?

– Так же, так же. Он женщин жалеет, особенно одиноких, да?

– Я, собственно... – запнулся Вениамин.

– А они давно поумнели, женщины! Поняли, что проще жить, когда скулить и плакаться некому и надеяться не на кого, кроме как на себя! Кому плакаться? Мужу, от которого больше всего им и доставалось?

– Ты с Лариской не спорь, – заметил Сашка. – У нее мужики – во где, – и показал кулак. – Она им на автобазе зарплату платит.

– Но это, знаете... – Герберт пожал плечами. – А как же дом, семья?

– А я и есть семья! – дымит и режет Лариска. – Я и мой ребенок. А еще одно дитя всю жизнь нянчить – хватит, нанянчилась. Готовь, стирай, восхищайся, а отдача – фиг. Слава богу, три года одна и не жалею. Я только теперь и поняла, что такое настоящая жизнь, и ни на какие коврижки ее не променяю. Потому что скулить и плакаться причин не стало. Да чтобы снова в эту петлю?... Никогда в жизни!

Вениамин ее решительного выступления как будто даже немножко испугался. Притих.

– Я слегка озадачен... Но мне все равно страшно нравится, что мы говорим, спорим. Вот только Оля все молчит. Грустная, прекрасная Оля. – И посмотрел на меня, а я действительно за весь вечер ни одного слова не произнесла.

– А она тоже свое оттрубила, – говорит Лариска. – А теперь – свободная, красивая женщина, сама себе хозяйка, верно?

Тут уже все посмотрели на меня, будто проверяя, вправду ли я красивая или нет. И я вдруг сказала:

– Не знаю...

Как это у меня получилось, не понимаю. Тут все, наверное, нашло одно на другое: и мое поганое настроение, и эта вечеринка, никому не нужная, и громкое Ларискино выступление...

Лариска с Валюшкой удивленно на меня выкатили шары.

– Чего – не знаешь? – спрашивает Лариска.

– Не знаю, лучше ли это – быть себе хозяйкой. И хорошо ли, когда свобода. Наверное, все-таки нужно, чтобы было кому поплакаться...

– Ты что, обалдела? – говорит Лариска. – Ренегатка!

– ...потому что, наверное, семья – это как родина. Должна быть, и все тут, иначе в ней вообще смысла нет...

– Золотые слова, надо выпить, а выпить нечего, – встал Сашка и пошел на кухню.

Тут Валюшка опомнилась, вскочила тоже, побежала за ним:

– Сашка, у тебя же режим! Тебя опять к игре не допустят!.. Там больше ничего нет! Ну пожалуйста! Александр!

С кухни послышалось: «возникаешь», «силовой прием применю», и еще какие-то слова, Валушкин всхлип, потом что-то упало и разбилось. Когда разбилось, поднялась и Лариска.

– Это бывает, товарищи, это мы будущую счастливую жизнь репетируем. Минутку. – И отправилась на кухню выручать Валушку.

А на меня вдруг нашла такая пустота, словно со сказанными словами я всю себя куда-то выплеснула, и я тоже поднялась.

– Извините, мне пора. Правда, пора, до свидания.

И увидела, уходя, как пристально и недоуменно глядят мне вслед исключительно замечательные люди, Герберт и Вениамин.

Вернулась домой. Антошка спит, нога под одеялом, – не шевельнулся за все время, бурундучок. Набираю номер телефона.

– Слушаю. – Вадим уже дома, сам подошел.

– Как доехал?

– Извините, молодой человек, вы, наверное, ошиблись номером.

– Докладываю: будильник поставила, спокойной ночи.

Положил трубку, и я кладу. Нет, все-таки мне, наверное, лучше, во всяком случае сейчас. Я лягу, а ему еще врать жене про делегацию из Польши, про скучный банкет, отвечать на дотошные вопросы, что за делегация и зачем приехала. А она, проницательная, в конце разговора бросит невзначай что-нибудь вроде: странно, что у тебя ошибаются номером только молодые люди – и хоть бы раз девушка?..

Спать. Задергивая штору, вижу двор, вижу, как выбежал из дома Сашка. Значит, опять поссорились, Валушка плачет. Может, и мне пореветь? Не получится, наверное, и раньше-то не очень получалось. Еще кто-то вышел из парадного. Судя по походке – Герберт. Наверняка вот та длинная белая иномарка его машина. «Мерседес», кажется. Уселся, поехал – не увлекла Лариска спором, вариант не прошел, вечеринке конец.

Опять стою в ванной, смываю глаза. Сейчас приму душ – и спать, спать. Развлечения на сегодня закончены.

Господи, это еще что такое – звонок в дверь.

– Кто?..

Молчание.

– Кто там?

– Извините, Валя, это я, Вениамин... Прошу вас, откройте на минутку.

Так. Не очень оригинально.

– Извините, Вениамин, но здесь живет не Валя, а Оля. И она спит.

– Да, конечно, Оля, простите, оговорился... Я волнуюсь. Подождите, не уходите от двери.

– Еще не ушла. В чем дело?

– Мне нужно сказать вам очень важное, но я не могу через дверь. Пожалуйста, откройте!

Оля.

– Вениамин, я очень устала, и я примерно представляю, что вы скажете.

– Я тоже представляю, что вы представляете, но это совсем не то. Честное слово. Клянусь вам мамой.

Сумасшедший какой-то. Но после таких слов попробуй не открыть. Открываю.

Стоим друг перед другом, глядим через порог.

– Говорите.

– Оля. Выходите за меня замуж.

Час от часу не легче. Даже не знаю, как реагировать.

– Интересно, – произношу не без иронии. – Вы бы хоть мое имя запомнили, прежде чем делать предложение.

– Да, все это выглядит нелепо. Я совсем не с того хотел начать. Но поскольку я боюсь, что вы захлопнете дверь... Можно я войду? Ровно на пять минут.

Я подумала: ведь не отвяжется.

– Ну заходите. Только говорите тише – сын спит.

Теперь мы стоим друг против друга в прихожей. В той же позиции.

– Понимаете, Оля, я никогда не был женат. Так вот вышло: дожил до тридцати шести годов, влюблялся, всю жизнь мечтал о семье и не женился. А вы... Вы сказали поразительную вещь. Вы так неожиданно сказали и так не по-сегодняшнему, вы помните?

– Что плохо быть одной?

– Не только. Это любому плохо... Что семья – это как родина. Должна быть, и все, остальное – неважно.

– Интересно. Неважно даже, люблю ли я? Скажем, вас?

– Да! Потому что и родину мы заранее не выбираем. Мы просто рождаемся, и уже только после учимся и любить ее, и уважать, и исполнять свой долг. А вначале мы ее просто обретаем... Вы ведь сейчас все равно никого не любите, так чем я хуже других? Кроме того, что понимаю вас лучше, чем остальные?

Я гляжу на него: сумасшедший или не сумасшедший? Нет, глаза нормальные. Усталые, правда.

– А вы не хотите крепкого чая? Или лучше кофе?

Он понял, усмехнулся.

– Вы не думайте, я не пьян, вернее, не настолько. Просто не каждый день приходится говорить такие слова... Но кофе я выпью, если предложите.

Что с ним делать? Ну ладно, напою его кофе, такие слова слушать тоже не каждый день приходится.

Пошла на кухню, Вениамин поплелся за мной. Сел тихонечко за стол. Пока я вожусь с кофейником, вертит головой, оглядывается по сторонам, продолжает свои речи:

– Вы понимаете, жизнь приучила меня быть осторожным с женщинами, хотя я человек очень доверчивый по натуре. Но про вас я точно знаю, что вы не лгали, и мне с вами легко, и почему-то верится, что вы меня верно поймете. Мне даже кажется, что я уже был в вашем доме, видел ваши чашки, эту скатерть – словно уже давно здесь живу.

Интересный поворот, думаю я.

– А вы бы и поселиться здесь хотели?

Он смутился, но ненадолго:

– Ну пока, если бы вы, конечно, согласились. Квартиры у меня, понимаете, сейчас нет, мы живем с мамой в коммуналке. Но я зарабатываю не так уж плохо. Я программист по профессии, подрабатываю немножко заказами. Пишу кандидатскую. Вообще, в детстве я мечтал стать писателем. Но как странно судьба располагает! И в юности сочинял, правда, никогда не печатался...

– Что же вы сочиняли? Стихи?

– Нет, прозу. Рассказы. Хотите, прочту один.

– А вы их с собой носите?

– Они короткие, как стихи, я их наизусть помню. Хотите? Кофе все равно еще не закипел.

– Ну прочтите, – смиловилась я.

– «Человек, которому некуда спешить», – начал Вениамин. – Так называется. – Покашлял. – «Густо запорошенный морозной крупкой, под фонарями, взмахивающими снежными ресницами, пустынными улицами шел в предновогоднюю ночь человек, которому некуда было спешить. Его квартира была одинока, потому что была населена такими же одинокими людьми; его не ждали в ту ночь ни в одном из домов, потому что одинаково ждали во многих. Весь мир

был его домом, и все люди были ему близкими, и не было у него той маленькой, теплой, скрытой от чужих глаз тайны, которой владеют счастливые мужья и отцы. И он вышел в ночь...»

Не помню, что он дальше читал, по-моему, дальше я не слушала. Во-первых, за кофе следила, чтобы не убежал, а во-вторых – ловила себя на том, что разглядываю своего странного гостя. И он не таким уж чудиком мне показался, и не таким уж немытым. Свитер действительно мешком, на локтях неумело заштопан, но рубашка свежая, лицо доброе – обыкновенный неустроенный мужчина. Таких женщины не жалуют, а они, говорят, как раз и бывают самыми преданными мужьями... А кофе я в результате проглядела: брызнул на плиту, зашипел – Вениамин вздрогнул и замолчал.

– Готов ваш кофе, – сказала я.

– Да. Спасибо... – Он медленно, глоток за глотком, выпил всю чашку, поставил ее и печально смотрит на меня. – Так как, Оля? Давайте жить вместе?

Затянулся наш разговор, и его явно пора было заканчивать. Я засмеялась:

– Но не с сегодняшней же ночи!

Он кивнул:

– Извините. Я и так пробыл втрое больше отпущенного. Я уйду.

– Желаю счастья, – провожаю я его в прихожую.

У двери он обернулся:

– Но если мои слова все-таки не покажутся вам полным бредом и если когда-нибудь вам станет совсем плохо – вы вспомните, как я сказал вам: Оля, давайте жить вместе! И тогда вы мне позвоните и скажите: да. Просто: да.

– Вениамин, дорогой, – этак покровительственно отвечаю я ему. – Мне было интересно вас послушать, но я люблю совсем другого человека. И он меня. И жаловаться мне совершенно не на что. Правда.

Он поглядел на меня укоризненно, покачал головой.

– Неправда. У вас глаза были бы совсем другие. А такие я каждый день в зеркале вижу. Всего хорошего, Оля.

Стою у окна, гляжу вниз, на опустевшую площадку для автомобилей, по которой идет Вениамин. Тихонько идет, неторопливо, как человек, которому и вправду некуда спешить.

Ну вечером. Надо позвонить Лариске.

– Лариска, спишь? Проснись на минутку – не пожалеешь!

Да неужели же кто-то опять звонит?

Нет, это будильник, надежный товарищ. Половина восьмого. Утро. Солнце. Кавардак в квартире. Рабочий день начинается.

Стучу кулаком в стенку:

– Эй, зверь бурундук, подъем!

Ношусь как угорелая по квартире под Пугачеву из проигрывателя. Одеваюсь, собираюсь, мажусь, навожу красоту. Антошка у себя в комнате, тоже, по идее, должен одеваться. Заглянула к нему – сидит на кровати встрепанный, сонный, задумчиво сует ногу в колготки.

– Быстрее, быстрее напяливай!

– Если быстлей, то будет задом наперед. (Когда же он «р» научится выговаривать?)

– Ничего. Когда опаздываешь, можно и задом наперед.

– А почему ты все влемея опаздываешь?

– Потому что такая уж у тебя мать, выбирать не приходится.

Бегу в ванную, но у меня ведь не ребенок, а «что, где, когда».

– Мама, а человек плоизошел от обезьяны?

– От обезьяны.

– А как же – в Ленинграде ведь обезьянов нету!
– «Обезьянов» нету, а обезьяны – жили, очень давно, от них он и произошел. А ты – от ленивца, знаешь такое животное?

– Не-ет...

– Ну вот, придешь в сад и спросишь, а поэтому одевайся быстрее.

«...держи меня, соломинка, держи. Когда вокруг шторма в двенадцать баллов»... – это Пугачева из проигрывателя.

А это уже Лариска. В дверь звонит. Открываю – не Лариска, а ее Сережка.

– А где...

– Ч-хи!

– ...мама?

– Мама в лифте стоит, чтобы не уехал.

– Здесь я, здесь! Быстрее!

Наконец выволакиваю Антошку, и мы – в лифте, где, чтобы не уехал, стоит Лариска.

– Привет.

– Привет. На машине поедem – Коле с автобазы по пути.

– Ул-ла! Ч-хи!..

– Ну, не надумала Витамину звонить?

– Ага, он не дурак. Позвоните, а телефона не оставил.

– Кстати, мой бывший звонил, им пальто дутые финские завезли.

– А какого цвета?

– Не знаю. Дутые!

Остановка. Надо сбегать за Валюшкой. Слава богу, собрана, запирает дверь. Почему-то на три замка, сокровища, видите ли, у нее.

– А Лариска где?

– В лифте стоит, чтобы не уехал. Ну что, поссорились?

Валюшка глядит, сияющая, счастливая:

– Что ты! Вернулся, прощения просил. Прямо какой-то сумасшедший... – И в лифте с гордостью отворачивает свитер на шее со свидетельствами пылкой любви.

– Ох, дура ты, дурочка у нас, Валюшка, а еще воспитатель. Как мы только тебе детей доверяем! Тебе пальто финское нужно?

– Какого цвета?

– Дутое.

– Мне Сашка из Чехословакии привезет.

Спускаемся, выходим дружной семьей из подъезда. Впереди – мы с Лариской, сзади – Антошка, Сережка и Валюшка, взявшись за руки. Перед подъездом – целый автобус, на боку написано: «Изыскательская КХ-2». Внутри – приборы, но места хватает.

– Дай тебе бог здоровья, Колечка, радость моя, за мной не пропадет, – умасливает Лариска мрачного водителя.

– В детский сад, что ли, вначале?

– Как всегда, золотко, как всегда!

Поехали. С песней. У нас есть любимая, дорожная, ее хором хорошо петь:

– «А ты такой холо-о-дный, как айсберг в океане... И все твои печали под темною водо-о-ой...»

Начинается мало чем от других отличимый теплый день осени тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года.

Глава вторая

Вас уже спрашивали

Работаю я в НИИ, в каком – не имеет значения, в бюро технической информации. Наш институт – в старинном особняке, за узорной оградой. Автобус высаживает меня у Банковского мостика, дальше бегу на своих. Задерживаюсь у стоянки машин – Вадим уже здесь, это его жигуленок, другого такого ржавого и пыльного во всем Ленинграде нет. Ну здравствуй, с добрым утром. Пальцем пишу на пыльном стекле «привет». На работе, может, случая не представится.

Через мраморный вестибюль, по лестнице со скульптурами, через все это праздное великолепие спешу к своему рабочему месту.

В стеклянной выгородке, за которой видна комната с компьютерами, дисплеями, стеллажами для хранения материалов и девушками-операторами, – два стола: мой и Кирилла Ивановича, шефа. Ему около шестидесяти, маленький, подвижный, с острым, любознательным взглядом. Когда я вхожу, его взгляд тотчас ко мне прилипает:

– Опаздываете, сударыня.

– Извините, автобус...

– Я не в осуждение, просто констатирую факт. Это мы, старики, приходим вовремя. А у вас – интенсивная молодая жизнь. Свидания, расставания... Что еще? Расскажите.

А глаза старика так и шарят по мне, будто хотят отыскать что-то новое. Будто не изучил все мои руки-ноги за пять лет.

– Стирка, готовка, Кирилл Иванович, чтение художественной литературы.

– Позвольте не поверить. У хорошенькой молодой женщины не должно быть такой скучной жизни. Кстати, вас уже спрашивали.

На секунду застываю у шкафчика, куда мы вешаем одежду.

– Кто?

– А кто, кто вас интересуется? – игривенький голос сзади. – Расскажите.

Возвращаюсь к столу с непроницаемым видом.

– Просто меня интересуется, кто меня спрашивал.

– Все тайны, тайны, хорошенькая женщина всегда окружена тайнами! Вадим Михайлович... – маленькая пауза, любознательный укол глаз, – ах нет, он вас вчера спрашивал. Кстати, прекрасный человек, перспективный работник, интересный мужчина. Слушайте, что бы вам с ним не завертеть роман? По-молодому так, красиво, безоглядно!

– Кирилл Иванович, – скучным голосом говорю я.

– Бруевич вас спрашивал. – Взгляд в бумаги, губки поджал. Обиделся. – Вы обещали ему подготовить материалы по типажам. И не подготовили. И за это я вам, сударыня, вынужден, извините, сделать замечание.

Действительно обиделся. И так по сто раз на дню, словно что-то ему должно светить.

В обеденный перерыв пью кофе в буфете. Сажусь одна за столик. Вдруг:

– Можно к вам, Ольга Николаевна?

Вадим стоит с подносом, борщ качается в тарелке. Улыбается. Свежий, выбритый, и так хочется дотронуться до него хоть на мгновение.

– А не боишься – увидят?

– А пусть завидуют, – отвечает и садится со своим борщом.

– Кому?

– Тебе, конечно. Такой мужик рядом сидит. Храбрый.

– Давно ли – храбрый?

– С сегодняшнего дня.

– Это как?

– А так. Надоело все.

– И я?..

– Ты – наоборот...

Он слегка коснулся моей руки, смотрит своим убийственным ласковым взглядом.

– Сердишься, малыш?

– За что? Давно отучил.

Он понимающе кивает:

– Измучил я тебя... И себя тоже. Слушай. Что ты делаешь в выходные?

– Сiju с Антошкой, а что?

– А нельзя его куда-нибудь деть?

– Нельзя. У Лариски Сережка разболелся.

– А муж не может взять? В конце концов, его ребенок.

– Вадим, – говорю я, – извини, но хотелось бы знать, что случилось?

Он продолжает смотреть на меня, ласково, печально и даже как-то обреченно.

– Случилось, малыш. Уже давно. Три года назад.

Помолчал, помешивая ложкой в борще. И я тоже притихла – такого в нашей жизни еще не было.

– Надоело глядеть на часы, прятаться по углам. Врать, спешить. Надо разорвать этот порочный круг, сделать хоть что-нибудь для начала... Представляешь? Мы садимся в мою машину. И чешем. По Выборгскому шоссе. На семидесятом километре – поворот на проселок. Вокруг обступает природа. Теплынь, бабье лето. И вот – дом на берегу озера, с камином, сауной, который целых два дня будет наш и больше ничей. Кроме ветра и птиц... Нравится?

Соврать у меня не хватило духу.

– Нравится... А Антошку нельзя с собой взять? – робко спросила я, хотя непонятно, зачем спросила, знаю ведь ответ.

– Вся ведь суть в том, что мы там будем одни. Одни в целом свете, первый раз в жизни! – увлеченно продолжает он. – Вставать рано, купаться в озере, пить парное молоко. Целоваться без оглядки... Разве мы об этом не мечтали, малыш?

– Мечтали...

– И вот она – мечта! В руке! – Он достает из кармана и показывает мне ключи.

– Товарищ Дашков! Вас Бруевич к телефону, – раздается у входа в буфет противный секретаршин голос. Вадим встает.

Как, оказывается, они просто выглядят, ключи от счастья – обыкновенные, английские, серенькие.

Договорились с Софьей Николаевной, матерью Филиппа, бывшего моего мужа. В такси привезла Антошку на Петроградскую. В старом, еще до революции построенном доме, лифт, как всегда, не работает. Топаем на высокий третий этаж, на Антошке звенит амуниция: ружье, пистолеты, сабля бьет по лестничным перилам. Звоним.

Открывает Софья Николаевна – энергичная, худая, нечесаная, во рту папироска.

– Баба Соня, луки ввелх!

– Здравсьте. Это за все-то заботы? Ах, Антон Филиппыч, неблагодарная вы дрянь, весь в папу. – Она ерошит ему волосы и толкает в зад. – Иди лучше с сестренкой поздоровайся.

Входим в большую, с высокими окнами, комнату, где множество замечательных вещей: Софья Николаевна ни с чем никогда не расстанется. Коробочки, картиночки. В вазе с драконами – засушенные бог знает когда розы. В шкатулке на комод – перламутровые пуговицы, янтарные запонки, хрустальные бусинки – когда-то я могла часами все это перебирать... Видик на резном столике выглядит здесь инопланетянином.

Появляется годовалая дочка Филиппа, ноги в колготках заплетаются, палец во рту.

– Анютка, луки ввелх!

– Засадили бабку чад сторожить, а меня больные ждут. Твой бывший со своей новой тоже дома сидеть не любители.

– Софья Николаевна, я...

– Ладно, без прохиндейства. Извини, не целуюсь, табаком пропахла. Плохо выглядишь.

– Устала...

– Дай пульс. Ерунда. Низкое давление. Принимай ванну с бадузаном и заведи любовника.

– Есть.

– Значит, хорошего заведи.

– Вроде хороший.

– Значит, само пройдет. Красоты и молодости у тебя с запасом. Я Филиппу, когда он на этой дуре женился, говорю: идиот, после Ольки дочь Онассиса – еще куда ни шло, а ты такую бабу на дерьмо променял. Чай пить будешь или бежишь?

– Бегу.

– Тогда подожди. – Софья Николаевна достает из комода конверт. – Он тебе деньги оставил. Элементы, как покойная Дуня говорила.

Толстая пачечка, завернутая в листок какой-то исчерканной формулами рукописи.

– Тут не много?

– Нормально, нормально, он наконец за учебник получил. Куда бежишь?

– В командировку.

– На выходные? Ты, мать, не заливай по привычке! – улыбается, а улыбка у нее вдруг добрая и замечательная. – Теперь заливать ни к чему.

Глава третья

Бабье лето

Так оно и было, как Вадим рассказывал. Ехали по шоссе, свернули на проселок, потряслись по нему немного, попылились, въехали в лес и за лесом, на опушке, увидели дом. Небольшой, бревенчатый, за невысоким забором.

Вадим вышел из машины, кивнул:

– Дарю – ваше!

– А на самом деле чье?

Он поморщился с досадой:

– Какая разница. Все тебе надо испортить.

– Ну ладно, я ничего не сказала...

Я, правда, ничего не собиралась портить. В самом деле, какая разница. Все равно хорошо. Волшебным ключиком Вадим открывает двери, мы входим, и я вижу, что он неплохо здесь ориентируется.

– Гостиная, – показывает он.

Широкий дощатый стол, скамьи, шкура на полу, камин, уютно. Ведет дальше:

– Спальня. Туалет городского типа. Душ. Сауна. – За дверцей чистенькая парилка. – Кухня. Холодильник. Выгружай провиант. Вот так живут люди, то есть мы с тобой. Тебе нравится, малыш, как мы живем?

– Очень нравится...

– Правда?

– Честно-честно, – улыбаюсь я.

Поцеловал меня, довольный, и вышел на террасу.

– А ты погляди, малыш, какие вокруг нас дали неоглядные!

Я выхожу, залезаю к нему под мышку, как Валюшка, и теперь сама себе кажусь малышом. Вправду, хорошо быть малышом и ни о чем не думать, прислонясь к мускулам. А перед нами луг, озеро, желтеющий холмистый берег на той стороне – никого-никого, кроме нас, ветра и птиц.

Утром я просыпаюсь в широкой мягкой кровати. В окно бьет белое утреннее солнце. Я одна.

Накидываю халат, ноги – в туфли, иду по дому.

– Вадик!

Никакого ответа. Выхожу на улицу.

Что за чудеса. Машина стоит, Вадима нет.

– Ау! Отзовись!

Никто не отзывается. Пропал человек. Стало страшно не на шутку: ведь спроси меня – где я, а я даже не знаю. И я закричала что есть мочи:

– Ва-а-а-а-а!

– Ого-го!.. – донеслось в ответ издалека.

Я, радостная, оборачиваюсь на крик и вижу: бежит мой Вадик вдоль берега, в одной руке что-то белое, другой машет мне.

Подбегает к дому – штаны завернуты по колено, босой, по пояс голый, в руке двухлитровая банка молока.

– Ты куда делся?

– В деревню бегал за молоком.

– А где деревня?

– Вон там. Семь километров.
– С ума сошел!
– Я же обещал, что будем пить парное молоко.
– Сумасшедший... – Нежность меня так и захлестнула, и он понял, но для важности нахмурился:

– Зачем в туфлях ходишь? Надо разряжать пятками избыточное электричество. Скидай туфли.

– Сумасшедший диктатор!
– А мужчина должен быть свиреп.
– У тебя не получится, ты слишком обаятельный.
– Еще как получится. Затрепещешь! – он рычит, оскалившись, собирается меня терзать, а я хохочу.

– Испугалась?
– Конечно. Я даже не знаю, где я.
– Тебе это важно? Ты со мной.
– А ты – где? Вот глупый, я же парное молоко терпеть не могу. Что ты делаешь? – кричу, увидев, как Вадим медленно выливает молоко себе на голову.

– Не пропадать же добру. – И тут же остатки молока широким веером летят мне в лицо. Стою на скользком бережку, а Вадим – в воде у берега, где сразу – по грудь, и тянет меня за руку, а я упираюсь всеми оставшимися тремя лапами:

– Подожди, я же плавать не умею...
– Научишься.
– Ты моей смерти жаждешь!
– Со мной не потонешь.

Рванул за руку, я бултыхнулась и сразу пошла ко дну. Но на самом деле не пошла – Вадим подхватил меня, гребет одними ногами, и я рядом – как чурка.

– Подожди, я воды наглоталась.
– Полезно. Живая, не водопроводная.
– Холодная.
– Не ври.
– А вдруг акула?
– Уху сварим. Ну, плыви!

Отпустил меня вдруг и куда-то вбок унырнул. А я уже на самой середине озера.

– Ай... Вадька! Дурак... Я... тьфу... я то... тьфу... то-ону!..

Но, в общем, как выясняется, не тону, колочу всеми конечностями по воде, причем – к берегу, и довольно быстро. Тут он снова вынырнул, подхватил, и сразу стало опять надежно и спокойно.

– Не для того привез, чтобы топить.

Потом Вадим удит рыбу, а я, чтобы не мешать священнодействию, гуляю вдоль берега, разряжая пятками избыточное электричество, ломаю ветки с красными и желтыми листьями. И этот букет, разлапистый и веселый, стоит у нас на столе в банке из-под утроем вылитого молока.

Обеденный стол огромный, блестит, как паркетный зал, в тарелках овощи, зелень всякая, никакого вина, одни витамины.

Вадим с подносом чего-то дымящегося, рыбного, неопишимо вкусного входит из кухни. Обжигая руки, опускает поднос на середину стола.

– «Фиш а-ля Дашков». Прошу!

Накладывает мне неведомой еды, сам садится к столу.

– Ну? Как?

– Вкусно! Вот уж не думала, что ты умеешь готовить.

– Нужда научит. М-м! Блеск! Что смотришь?

А я, правда, не свожу с него глаз.

– Никогда не видела, как ты ешь.

– Ну уж!

– Не борщ в столовой, а – дома... Как пьешь – видела. Как закусываешь... А как ешь, когда мы одни, да так с аппетитом – ни разу.

Он уплетает кусок за куском, вертит головой, мычит что-то с полным ртом, и подбородок в соусе – ну точно как Антошка, поросенок.

– Ты еще много чего обо мне не знаешь.

– Правда, не знаю. Ты мне не рассказываешь.

– А ты спрашивай. Но только при этом ешь, а то все остынет.

– Ага... ем... Вот, например, это правда, что вас с Бруевичем в школе из комсомола исключали?

– Было. Мы сатирический журнал издавали. «Жызн» назывался. Через «ы».

– Почему через «ы»?

– Чтобы смешнее. Правда, для некоторых это кончилось совсем не смехом. Мишка Маслов так в институт и не попал, автослесарем работает. А Шуйкин и вовсе куда-то сгинул. Выплыли только я, Бруевич и Маринка.

– Что еще за Маринка?

Он посмотрел на меня, засмеялся и погрозил укоризненно пальцем.

– Малыш! Я уже человек немолодой, поживший, и задавать такие вопросы... А журнал правда был смешной. Я там тоже стихи писал: «Моя жена состарится, уедет в Конотоп, и в бане будет париться, и враг ей будет клоп». Маме очень нравилось. Она до сих пор все это в комодке хранит.

– А я твою маму никак себе не могу представить. Ты на нее похож?

– Похож. – И с обидой: – Ты фиш а-ля Дашков будешь лопать, или я тебе не угодил?

– Буду, буду, лопаю. Очень угодил! Как ты не понимаешь, что мне все интересно, каждая мелочь, каждая секундочка твоей жизни... Каждая твоя клеточка, – отвечаю я и чувствую, что глаза у меня влажнеют, то ли от счастья и умиления, то ли от страшной, ненужной сейчас мысли, что вслед за субботой и воскресеньем придет понедельник...

– ...ты меня любишь? Я глупая... но все равно скажи... Я тебя никогда не спрашивала и не спрошу больше. Скажи: ты меня любишь? Только правду...

– Конечно, люблю, малыш. Кого же мне еще любить, если нас только двое на всем этом свете...

Вечером мы зажгли камин и сидим перед ним, уютно устроившись на шкуре. В комнате темно, только убаюкивающий свет от камина, непрочное колебание теней. И кажется, что мы сидим здесь вечно. И мысли плывут в этом свете куда-то беспорядочно.

– Жалко Антошку. Ему бы на целый год хватило воспоминаний.

– Угу.

– Если когда-нибудь еще поедem, давай возьмем его с собой?

– Угу. Он плавать тоже не умеет?

– Он вообще трус ужасный! Я в зоопарке его на пони катала, а лошадки бежали друг за другом, и он сидел крайний в коляске. Потом я спрашиваю: тебе понравилось? Не знаю, говорит. Я все время боялся, что та пони, которая за нами бежала, догонит и укусит. Он решил, что пони его специально догоняет, представляешь?

– Смешные они, ребята.

– Вадик...

– Угу.

– Давай поженимся, а? Я тебе девочку рожу.

Молчание. Долгое. Он поднимается.

– Ну зачем же так...

Расстроено ходит по комнате, ищет сигареты, спички и не может найти.

– А что я такого сказала...

– Мы же договорились.

Знаю, но не могу остановиться. Может быть, потому, что иначе заплачу.

– Но почему? Почему? Ведь все так просто: если люди любят друг друга...

– Зачем об этом именно сейчас?

– А когда? Когда?

– Оля, что с тобой? Ты ведь всегда была умницей, малыш?

– Я не малыш! Мне тридцать лет! Я не могу больше ждать, не могу... Ну почему?

– Что почему?

– Если людям хорошо вместе, почему им не должно быть хорошо всегда?..

Он все ходит по комнате. Ни сигарет, ни спичек...

– Ну хотя бы потому, что сегодняшний день – это мечта. Сказка. А сказка, малыш, не может повторяться каждый день.

– Я не малыш! Почему?

– Потому что, Оля, не можем же мы и вправду позволить себе забыть обо всем. Должно пройти время, сейчас не тот момент. Юля несчастный, заикленный на своей работе человек, сейчас она без меня просто погибнет. Все у нас с тобой будет хорошо, но пока обстоятельства сильнее нас...

– Почему?

– Что, черт возьми, почему?

Нет никаких сил унять это глупое слово. Оно существует, звучит помимо моей воли:

– Ну почему? Почему? Почему?..

Едем в машине по городу молча. Уже совсем стемнело, парочки возвращаются с гулянки.

– Посиди. Ключи надо отдать.

Сажу, словно закоченев. И никаких чувств: ни злости, ни обиды, ни досады – тупость какая-то и усталость. Господи, зачем я здесь сажу? Вот едет такси свободное... Выскакиваю навстречу, машу.

– В парк.

– Мне здесь, недалеко.

– В парк!

– Я вас очень прошу!

– Сказано – в парк!

Сколько злости может быть в одном человеке. И за что? Сажусь обратно в жигуленок. Вернулся Вадим.

Опять едем, молчим, он косится на часы, чувствую, начинает нервничать.

– Устала?

Киваю.

– Это свежий воздух. Наглоталась кислорода.

И снова наступает тишина, и длится до тех пор, пока машина не останавливается.

– Оля...

– Да?

– Твой дом. – Он положил руки на руль, смотрит ожидающе.

А на меня опять нашло оцепенение.

– Ну пока?

– Пока.

– Что с тобой? Ты обиделась?

– Нет.

Проводит рукой по моей щеке.

– Если я тебя чем-то обидел, прости. Но главное – отдохни и выспись. Все не так плохо, малыш! До завтра!

А у меня нет сил даже бросить шутливо «спасибо за компанию», или «привет жене», или еще что-нибудь прощальное в этом роде. Потому что эти наши прощальные слова стали вдруг такими огромными, так много стали значить, что, может быть, даже значат сегодня: «навсегда».

– Вадим...

– Да? – насторожился.

– Нам нельзя больше видеться.

– Малыш...

Перебивая, спешу выговорить:

– Дай мне время от тебя вылечиться. Ты – болезнь, но это пройдет. Только не звони мне, пожалуйста, пожалуйста... никогда!

Хлопаю дверцей и быстро иду, бегу прочь.

Слышу – он помедлил и уехал.

Вхожу в подъезд, машинально достаю из ящика газеты, накопившиеся за два дня. Поднимаюсь, отпираю квартиру, зажигаю везде свет. Прибрано, пусто. И даже Антошки нет.

Вот теперь, девушка, можно и зареветь, повалившись на диван. Сколько же ты лет, старушка, не плакала?.. Но слезы кончились быстро, как весенняя гроза.

Наверное, это не проходит даром – так долго быть современной и самостоятельной. Вот и плакать разучилась. И правильно. Зачем? Слезами болезни не поможешь.

Включила проигрыватель.

«Держи меня, соломинка, держи...»

Лежу, шмыгаю носом, тупо рассматриваю газеты. Из них вылетает конверт. Странное письмо – адрес мой, а фамилии нет, только: «Оле».

Внутри листок, и на нем номер телефона, больше ничего. Не такой уж, значит, Веня чудак. Все предусмотрел, даже момент. Значит, это судьба.

Насухо вытираю слезы, убираю музыку, подхожу к телефону. Снимаю трубку. Нет... А почему – нет? Жить – значит действовать, всему наперекор и назло, только так. Набираю номер.

Гудки. Голос:

– Да?

Молчу. Снова голос, с робкой и радостной надеждой:

– Это Оля?..

И я отвечаю:

– Да.

Глава четвертая

Держи меня, соломинка, держи

– Антон, – говорю я сыну утром на кухне. – Сегодня ты останешься в саду.

Мгновенно вскинул на меня глаза, и губы подозрительно задрожали. Только бы самой не расчувствоваться.

– Я не хочу...

– Мало ли чего ты не хочешь, у меня дела. Работа. Ты будешь с Валею, она сегодня ночью дежурит.

– А завтла ты меня возьмешь?

Я поднимаюсь из-за стола, иду с чашкой к мойке.

– Иди, собирайся, мы опаздываем.

– А завтла ты меня возьмешь? Я не хочу на пятidineвкy!

Хоть и не оборачиваюсь, делая вид, что занята мытьем посуды, чувствую, как захлопали у него все быстрее ресницы – вот-вот расплачется, но кричать начинаю первой:

– А если и на пятidineвкy – что плохого? Вон Сережка Ларисин все время на пятidineвкe! Имею я тоже право отдохнуть?

– Не имеешь! – Все. Заревел. Бросаю чашку, обнимаю его.

– Антошечка, милый, так надо... С тобой Валя будет, и я буду каждый день приходить.

– Не хочу на пятidineвкy! Чхи!

– Не обезьянничай, нет у тебя насморка!

– Чхи!.. К-хе!.. Не хочу на пятidineвкy! Не хочу на пятidineвкy!

Нет, это невозможно. Решила быть твердой – надо быть твердой до конца.

– Это не ребенок, а наказание! В Сибирь его ссылают! Собирайся, не выводи мать из себя! – ору я таким страшным голосом, что самой становится страшно.

Едем в нашем персональном экипаже, Лариске опять подвезло, и нам заодно.

Обнимаю Антошку, а он не шелохнется под моей рукой.

– Детсад! – объявляет наш Коля, как в настоящем автобусе, только не по радио.

– Ну, мой милый, будь мужчиной, – целую я Антошку. – Все хорошо? Да? Валюшка, следи, чтобы ночью не раскрывался, у него манера ногу высовывать, а у вас сквозняки.

– Не беспокойтесь, мамаша! – Валюшка выпрыгивает из автобуса и профессионально командует: – Дети! Взялись за руки! Пошли!

Повели наших мальчишек...

– Ну? – дорывается наконец до вопроса, который ее давно мучил, Лариска. – Так ты это серьезно?

– А что?

– Нашла – любовь...

– Любви, Лариска, вообще нет, а он – единственный, кто об этом честно говорит.

– Ну, мать, с тобой не соскучишься, – только и может вымолвить Лариска и молчит всю оставшуюся дорогу.

Вечером, после работы, я привела квартиру в идеальный порядок, частично переставила мебель, создала уютное освещение, надела новое платье, туфли на каблуке и села ждать.

Вот и звонок в дверь.

Иди открывай, пути назад нету.

На пороге стоит Вениамин, с маленьким чемоданчиком, почему-то в теплом пальто, хотя до морозов еще далеко. Основательно собрался, надолго.

– Здравствуйте...

Вид у Вениамина все-таки растерянный. Но я все успела продумать, и голова у меня работает четко, как часы.

– Здравствуй. Раздевайся. Это все твои вещи?

Он поставил чемоданчик аккуратно в угол прихожей.

– В основном. Бумаги, книги, материалы к диссертации...

– Проходи.

Мы проходим в комнату.

– Садись.

– Где?

– Где хочешь. Ты же дома.

Он осторожно присел на краешек дивана.

– Да, действительно. Трудно сразу, понимаете... У вас как-то по-новому. Перестановка.

Я достаю из бара бутылку, ставлю рюмки. Наливаю:

– За новоселье!

Вениамин берет рюмку, смотрит на меня:

– За вас, Оля. Вы удивительная!

Глядит на меня, глядит – и не пьет.

– Вениамин, может быть, вы считаете, что я зря позвонила? В таком случае...

– Что вы? Просто я не думал, что так на самом деле бывает. Я, понимаете, Оля...

– Вы хотели за меня выпить.

– Да... – Выпил. – Это что такое?

– Ликер. А что?

– Вкусно, – расслабился, вроде полегчало. – Понимаете, Оля, обычно мы говорим миллион слов, и каждое исполнено смысла и значения – но они куда-то уходят, растворяются в суете...

– Я все хорошо помню. Могу повторить.

– Что вы! Я тоже помню. Поэтому я и приехал, не думая. Хотя мама и устроила мне скандал.

– У тебя хорошая мама?

– Мама все хорошие. Плохих не бывает.

Вот этого тебе не следовало бы сейчас говорить. Сразу вспомнилось сегодняшнее утро, Антошкины глаза...

– Правда, вкусный ликер, – меняю тему. – Еще выпьем?

– Выпьем!

– И давай – на «ты»! Надо ведь с чего-то начинать нашу жизнь.

– Все это похоже на сон. – Он выпил рюмку. – Что, надо поцеловаться?

– Непременно.

Робко клюнул в щеку, сел, молчит, трет ладонями вытертые джинсы.

– Знаете... Знаешь, врежем еще этого ликера!

– Врежем.

– Нет, я сам налью. Все-таки я мужчина! И скажу тост. Понимаешь, я дожил до тридцати шести годов и всегда был человеком, которому некуда спешить. Не спешил в работе, не спешил взрослеть, набираться ума, регалий, богатства – и все потому, что у меня не было главного: дома, в который мне хотелось бы спешить. И вот я обрел этот дом...

– Кстати, – говорю я, вставая, – давай я тебе сразу покажу, что в этом доме где. Это, как ты понял, гостиная, она же спальня. Теперь иди сюда – тут Антошкина комната. Вот здесь, смотри, в стенном шкафу – эти полки я для тебя расчистила, можешь положить вещи. Ну туалет, ванная. Там – кухня.

Он покорно бродит за мной по квартире. Возле кухни потянул носом:

– А чем так пахнет вкусно?

– Едой. Ты – голодный?

– Я... вообще, не...

– Сейчас будем ужинать. Извини, секунду. – Отправляю его в комнату – пусть немножко в себя придет, сама остаюсь на кухне.

Запахи, правда, гуляют дивные – мясо в духовке уже зарумянилось. Надо подержать еще немножко. Помидоры, зелень разложены живописно на тарелках. Оглядела еду – ничего. Нравится. И я себе нравлюсь пока: программу исполняю хорошо. И выгляжу неплохо: прическа, макияж, платье. Главное сейчас – посторонних мыслей не брать в голову.

Ужинаем в комнате, парадным образом, с салфетками в салфетницах. Кофе с мороженым на десерт.

– Ну, как?

– Изумительно.

– Каждый день я тебе, конечно, такого ужина не обещаю.

– Все равно – ты прекрасная хозяйка! Обычно женщины сейчас почему-то этого стыдятся, а почему? Женщина должна быть женщиной, и прекрасно, что ты это понимаешь, и это подарок судьбы, что я тебя встретил, именно такую. Настоящую русскую женщину, из тех, понимаешь, что и коня на скаку, и в избу, и в Сибирь за декабристами...

– Я не хочу в Сибирь, Вениамин. А просто, как женщина, я тебе нравлюсь?

– Зачем спрашиваешь? Давно, очень давно! Много лет! Да! Не удивляйся, я знаю тебя очень давно. Оказывается, это была ты! Хочешь, я прочту тебе еще один свой рассказ? Совсем короткий, и ты поймешь. Можно?

– Зачем спрашиваешь.

– Слушай. Он без названия. «Была трава, и была тропинка, и были ноги, которые шли по этой тропинке, шли, ступая мягко и бережно, словно ощупывая землю, и был край платья, широкого, как крылья большой белой птицы, от шагов крылья торопливо взмахивали, и казалось, что девушка плыла, тихо летела над тропинкой, – а шла она впереди меня, и я не видел ее лица...»

И опять, как в тот раз, я скоро перестала слышать слова и глядела на Вениамина. Потому что, когда он читал, он не видел моего взгляда, и можно было смотреть, не таясь. Видеть близирующие добрые глаза, смешной хохолок на затылке, неумело штопанные, беспризорные локти на свитере. Потом он повернул голову, и я снова услышала голос:

– И вот теперь я увидел ее лицо... Твое лицо. Спасибо тебе, что ты сбылась. Моя белая птица...

– Подожди, я сейчас, прости, – перебила я его.

Я выпорхнула в Антошкину комнату. Собственно, зачем?.. Ах да, так ведь и было задумано. Сняла парадное платье, переделалась в уютный халат, талию затянула поясом. Горят щеки, как у воришки... Но ведь я ничего не краду. Я – беру. Беру свое простое человеческое счастье. А может быть, и правда оно так начинается? И надо спокойно, как ни в чем не бывало, даже грациозно, выпорхнуть обратно в комнату.

Он стоит у полки, уткнув нос в раскрытую книжку, очки на лбу. Оглянулся:

– Какое красивое платье! Вечернее?

– Это вечернее платье называется домашний халат, – села я на тахту, поджав под себя ноги. – Теперь тебе придется видеть меня не только при параде. Привыкай! Садись сюда, я тебе еще что-то расскажу.

Вениамин с книжкой расстался, по-моему, с сожалением и сел, куда велели.

– Значит, жить мы с тобой будем так. Утром я буду тебя кормить и уходить на работу, а ты будешь работать дома над своей диссертацией. Для работы тебе нужен кабинет.

– Что ты! Я могу на кухне.

– На кухне будем я, телевизор и телефон, чтобы не мешали. А здесь будет твоё царство. Купим тебе письменный стол, а для начала займём у Антошки.

– Я на любом могу. Кстати, – вспомнил он, – где же твой сын?

– Он... Он будет, но не сразу. Вы должны друг к другу привыкнуть.

– А я очень люблю детей, и они меня, потому что во мне, наверное, что-то есть ещё детское. Это его фотография? Очень похож на тебя, значит, мы с ним наверняка подружиться. Он в каком классе?

– Он в саду, ему ещё пятый годик.

– Я его читать научу. Хорошие книжки. Знаешь, как важно, чтобы ребенок начал именно с хороших книжек. А какие будут зимние долгие вечера – когда мы все вместе! У нас часто будут гости, да? И мы будем их вкусно кормить, разговаривать, спорить, да? Волшебная будет жизнь, – мечтательно произнес он и даже глаза закрыл.

– У меня тоже есть тост, – сказала я.

Вениамин, помня о своих мужских обязанностях, тотчас наполнил рюмки, и я взяла свою:

– Для меня очень важный.

– Да, – он повторил: – Да.

– Знаешь, если честно... Когда ты сказал, что мы только потом учимся любить, и уважать, и исполнять долг, а поначалу нужно просто верить друг другу – мне это, извини, глупостью показалось. Но ведь и наоборот бывает: любишь, но уже не веришь. А тогда и любовь уходит, наверное? Значит, главное все-таки в том, что надо верить?

– Конечно!

– Это и будет начало. Давай выпьем за завтрашнее утро!

Он поднял рюмку, но удивленно спросил:

– А почему за утро?

– Потому что утро – это будет уже продолжение. И потому что утро вечера мудренее. И потому что пора идти спать.

Мы выпили наш ликер, и я встала, а во взгляде Вениамина мне почудилась какая-то тревога.

– Вообще-то я совсем ещё спать не хочу...

– Вставать рано. На Антошкиной тахте ты не поместишься, я тебе у него раскладушку поставлю.

Он говорит, как будто с облегчением:

– А я обожаю раскладушки! Я полжизни на раскладушке проспал, комната у нас с мамой, понимаешь, крохотная. Раскладушка, раскладушка, друг мой с детства дорогой! – прямо-таки запел он, когда я с грохотом вытащила скрипучую раскладушку, и радостно принялся помогать её устанавливать. Принесла постельное бельё, одеяло, заняла у Антошки подушку.

– Смешной ты... Ну ложись. Спокойной ночи.

Оставила Вениамина с его раскладушкой, постелила у себя и легла.

Он, слышу, поскрипел раскладушкой и затих.

И я лежу тихо, не шевельнусь, замерла. Часы тикают, сердце стучит...

И гробовая тишина в соседней комнате. Бесконечная. Умер он, что ли?

Лежу, лежу – не выдержала, встаю, запахиваю халат и иду к нему.

Смотрю с порога: сидит на незастеленной раскладушке одетый, курит, лицо какое-то смятенное. Увидел меня:

– Тебе тоже не спится?

Совсем нехорошее лицо. Я спрашиваю:

– Тебе плохо?

– Мне прекрасно... Что ты...

Я села напротив него на стул.

– Вениамин...

– Да?

– Тебе плохо? Что-нибудь не так? Скажи!

Он чуть покачивается, обхватив ладонями локти.

– Как тебе сказать... Понимаешь...

– Не понимаю. Ты скажи.

– Все так... Просто никак не осмыслю твоё решение... Всю меру нашей общей ответственности. Ты ведь искренний человек и честный, да?

– Вёня, ты о чём?

Он раскачивается всё сильнее, и раскладушка под ним скрипит. Посмотрел на меня и произнес как-то жалобно:

– Скажи... Ты правда решила?

– Что?

– Вместе... Навсегда...

Я поднялась. Он, словно боясь, что не дослушаю, говорит торопливо:

– Прости. Я действительно должен побыть один, собраться, осмыслить. Так много всего в один вечер. Ты сама сказала: за завтрашнее утро...! Утро ведь вечера мудренее?

Я пожалала плечами и ушла.

Легла. Опять долгая тишина. Шорохи. Снова тишина. Кажется, я даже задремала на секунду... И вдруг хлопнула дверь.

Вскакиваю – нет Вениамина. Испарился. И чемодана в прихожей нет, и зимнего пальто.

Стою посреди коридора и уже совершенно ничего не могу понять. Что-то ведь надо понять, совсем простое, а не могу. Голова какая-то дурная, чугунная, ликер в ней, что ли... Сунуть эту дурную голову под душ, и причёски не жалко. Кому теперь нужна эта причёска...

Господи! Вот рожа-то глупая в зеркале!

И тут вдруг смех меня забирает, остановиться нет никакой возможности. Хожу по квартире и хохочу.

Валюсь на тахту, набираю Ларискин телефон.

– Лариска! Не спишь?

– Нет. А что ты ржёшь? Алло! Чего ржёшь, ненормальная? – И сама уже смеется. – Алло! Витамин был?

– Был. И весь вышел. Приходи, будем ликер допивать! – бросаю трубку – и хохочу...

Глава пятая

Бал королев

Все трое хохочем – утром в лифте. И мальчишки – тоже, неизвестно чему, за компанию.

– Ой, бабы, – вытирает слезы Лариска, – что-то много смеемся, не плакать бы потом.

– Да ну тебя! – возмущается Валюшка. – Если всю жизнь чего-то бояться, лучше не жить!

Все – исключительно замечательно!

– Не все: автобуса сегодня не будет, Коля забастовал.

– Кирилл меня сожрет.

Выходим на улицу.

– Доберемся мы когда-нибудь до твоего Кирилла. Нельзя давать начальству садиться на голову.

– Да кто он такой? – Валюшка опять возмутилась. – Крысенок! Ты перед ним – королева!

Ларис, правда Ольгунька – королева?

– Девчонки, мы все – королевы. Слушайте, давайте закатимся в ресторан?

– Сами?

– Ага!

– Ольгунь, на какие шиши?

– Много ли нам надо, толкнем что-нибудь! Я красную юбку давно не ношу. Ужасно захотелось в ресторан.

– Ой, и мне! – подхватила Валюшка.

А то вдруг – война, так и пожить по-настоящему не успеем!

У проходной увидела Вадима. С кем-то разговаривал, а сам поводил вокруг глазами, похоже, выглядывал меня. Едва успела спрятаться за угол, чтобы не увидел. Пока пережидала – набрала минут десять опоздания.

Начальство так и пронзило меня язвительными глазками:

– Опять стирка, готовка, ребенок?

– Не угадали, Кирилл Иванович.

– Чтение художественной литературы?

– Нет, Кирилл Иванович, – дерзко отвечаю я. – На этот раз – свиданья, расставанья.

Рестораны.

Он уставился на меня изумленно.

– Вы сами мне советовали жить красиво, безоглядно. Могу же я еще кому-то нравиться. Вот вам, скажем, Кирилл Иванович?

Наши взгляды скрестились, и со всей силой взаимной неприязни. Наконец он пожевал губками и объяснил:

– Вы мне очень нравитесь, Оленька. И поэтому, в знак прежнего расположения, я включил вас в список на овощебазу. Надеюсь, не посрамите родной коллектив.

* * *

Гремит музыка, сидим в ресторане, разодетые в пух и прах, из себя красивые и счастливые, сбылась мечта идиотов.

Лариске подкинули премию, так что продавать ничего не пришлось. Заказали крабов под майонезом, ассорти рыбное, мясное, овощное, горячее еще не придумали, шампанское. Гулять – так гулять по-королевски.

Столик наш на виду, мужчины не сводят глаз, но мы прекрасны и недоступны, живем самостоятельной жизнью, у нас – своя беседа. Жаль только, что из-за ревущей музыки беседовать приходится криком.

– Что? – ору я через стол.

– ...и вызвали на пустырь, за стройку, – кричит Лариска, – где автобусная остановка...

– Где?

– Где остановка! – Лариска безнадежно машет рукой: все равно ничего не слышно.

– Разрешите, снегурочки? – подходит толстый дядька и просительно смотрит на нас по очереди.

– Снегурочки на каникулах, Дедушка Мороз!

Едва он отходит, катимся со смеху от этой немудреной Валушкиной шутки. А за соседним столиком притихли, с интересом за нами наблюдая, трое моряков, совсем молоденьких, с недавно пробившимися усами.

Музыка умолкла.

– Ну так вот, – спешит рассказать Лариска. – И говорим: не волнуйтесь, Кирилл Иванович, пока это только беседа. Сигнал на вас поступил, Кирилл Иванович.

– Ларис, ну хватит разыгрывать, это что – правда?

– Чистая. Есть, говорим, мнение, что вы не по-товарищески относитесь к своей сотруднице...

– Ну вы даете... – Я слушаю, верю и не верю.

– ...мешаете ей продуктивно работать, создаете в коллективе нервную обстановку...

– ...а у вас жена, Кирилл Иванович, – подхватывает Валушка, – взрослые дети у вас.

Придется поставить в известность общественные организации!

Похоже – правда, Валушка сама таких слов не придумает.

– Ну, – вздыхаю я, – теперь мне конец.

– Ты дальше слушай! Он побледнел, сразу ручонками замахал: не надо! не надо!

– А мы ему: клянитесь!

– Клянусь, отвечает, партбилетом. Я свободен?

– Пока... Но если ты, паразит, гад ползучий, еще хоть раз, тра-та-та... – И я вижу, что Валушка не выдерживает, плывет, вот-вот захихикает. Гляжу с надеждой на Лариску.

– Врете?

– Врем, – улыбается Лариска. – Но готовься – мы все равно твоему крысенку как-нибудь устроим веселую жизнь!

Тут музыка снова заиграла. И новый кавалер к нашему столику не замедлил явиться в виде одного из морячков, у которого усы были погуще и храбрости побольше.

– Извините, девушки, – вежливо обратился он. – У нас тут возник спор...

– В Крыму не отдыхали, – отвечаем мы.

– По другому поводу. Вы не танцуете, потому что не хотите или потому что нет достойных кавалеров?

– Не хотим, – говорит Лариска.

– ...потому что нет достойных кавалеров, – говорит Валушка.

Моряк говорит:

– Может, это оттого, что вы не обращаете внимания на нас?

– А может быть, поэтому мы на вас не обращаем внимания, – говорю я.

Детский сад. Но все равно весело. Он не нашелся что ответить. Басистый друг пришел ему на помощь:

– Вы так думаете оттого, что не знаете наших достоинств.

– Ну и какие же ваши достоинства? – по-матерински сжалилась над ними Лариска, и первый морячок снова оживился:

- Во-первых, и в главных, мы холостые.
- Хотите предложить нам руку и сердце? – говорю я.
- Для начала – руку. Разрешите?

Вытянулся передо мной – в новеньком, с иголки, кителе, тоненький, совсем мальчик, лет двадцать.

Встаю. И остальные морячки, как по команде, шагнули к Лариске и Валюшке.

Танцуем. Где-то среди голов, неподалеку, колышутся прически моих девчонок. Когда же я в последний раз танцевала в ресторане? До замужества, наверное. В замужестве не до танцев было, а с Вадимом... Но про Вадима не надо вспоминать сегодня. И вчера. И завтра. Никогда...

Морячок, который танцует со мной, смущается, но держится отважно, ведет разговор.

– Разрешите представиться: мичман Суворов Николай, выпускник Мурманского ВМУ. В Питере проездом к месту действительной службы. Между прочим, в район Крыма.

- Оля.
- Вы отменно танцуете.
- Вы тоже.
- Форма обязывает.
- Усы – тоже форма обязывает?
- Усишки, конечно, не боцманские... Но, знаете, в нашем с вами возрасте хочется выглядеть солиднее.

Я спрятала улыбку, он ее истолковал по-своему:

- Простите, вы, наверное, моложе. Учитесь?
- Как сказать... Учусь.
- Чему, если не военная тайна?
- Жить.
- Значит, работаете. Будь я вашим мужем – я бы настоял, чтобы вы учились.
- А что, чувствуются пробелы в образовании?
- Нет, если честно – просто думал, вы ответите: я не замужем.
- Провокация? – улыбнулась я.
- Разведка боем.

Он ждет ответа, а я оцепенела и молчу, потому что вдруг увидела...

В соседнем маленьком зале уже давно гудел банкет. Когда музыка стихала, оттуда доносились тосты, какие-то научные, мудреные. А теперь я этот стол увидела! И с краю стола – рыжеватый затылок и ухо, которые узнала бы с закрытыми глазами.

Господи, за что же мне и здесь, когда раз в жизни обо всем старалась забыть, снова такая мука?..

Сидит Вадим тихо, молча, а кто рядом с ним – я сразу догадалась. Она. Юлия Ивановна. Хотя я представляла себе ее совсем иначе. Старше и в виде рыбы такой замороженной. А у этой, настоящей – длинные светлые волосы распущены по плечам, лицо нормальное, даже было, наверное, когда-то красивое, и ведет себя нормально: смеется, поднимает бокал. И это меня больше всего, до тоски пронзило: обыкновенная. Не уродина, не баба-яга...

Вот она к нему наклонилась, что-то сказала, мило улыбнулась. Он обернулся, и я увидела его лицо. И тут хоть немножко полегчало. Грустное лицо. В глазах скука и тоска собачья – до лампочки ему эти улыбки и этот банкет.

Сейчас бы подойти, взять за руку, сказать «мое» и увести. Навсегда.

Мечты. «Брызги шампанского», у отца такая пластинка была.

– Не слышу ответа, – доносится голос морячка, как сквозь сон.

Очнулась, оттанцевала его до банкетного зала, чтобы скрылось видение из глаз. О чем он? А, провокация, разведка боем...

– В моем возрасте – и уже быть замужем? – отвечаю я. – Обижаете.

Под мелким дождичком идем от ресторана к троллейбусной остановке. Как в школьные годы: девчонки – впереди, а сзади, ни на шаг не отставая, печатают шаг наши мальчики, то есть морячки. Разговаривают громко, для нас:

– Коля, разве это климат?

– Нет, Валера, это не климат.

– Вот у нас на Черном море – климат!

Мы шагаем молча, у меня – настроение соответственное, а девчонки молчат из солидарности.

– Женя, девушки не знают, они ж не отдыхали в Крыму.

– Коля, а как тебе нравится такая картина: приезжают к нам в Крым три замечательные ленинградки и говорят: нас тоже не устраивает питерский климат. Мы хотим загорать и купаться круглый год.

– А мы скажем: зачем размениваться на один год – оставайтесь насовсем!

– И что, Коля, нам отвечают?

Мы остановились у остановки и обернулись:

– Наш троллейбус.

На лицах морячков разочарование, а у моего – даже усики дрогнули:

– Мы лично свободны до двадцати трех ноль-ноль. Может, продолжим знакомство, сходим в кино? «Любовь земная». Лучше бы, конечно, неземная, но...

– Ребята, – говорит Лариска, – нам правда пора.

– У вас мамы такие строгие?

– Нас дети ждут.

Приняли за обнадеживающую шутку, обрадовались:

– И сколько у вас детей? У вас, например? – указывает морячок на Валюшку.

– Ой, – она всплеснула руками, – у меня – штук пятьдесят!

Морячки засмеялись.

– А у меня – один, – отвечает Лариска.

– И у меня один, – говорю я и вижу, что мой морячок, не спускавший с меня глаз, все понял и окончательно загрустил.

– Ну вот, – печально пробасил его товарищ. – Я ж говорил, Коля, что такие девушки не могут быть не замужем! Это против законов природы! Не повезло.

– Повезет, мальчики, не отчаивайтесь. – Лариска подсаживает меня в подошедший троллейбус. – Нас на свете много. Привет Крыму.

Троллейбус тронулся, удаляются наши морячки, понурившиеся на остановке. И мы снова замолчали.

– Ну и что такого? – рассудительно произносит наконец Лариска. – Что случилось? Ты что, не знала? Данный факт существовал всегда, просто ты его увидела – вот и все дела. И потом, вы же – расстались, или я неверно поняла?

– Верно поняла, – отзываюсь я и думаю: хорошо бы еще и мне понять...

– А волосы у нее крашенные, – сообщает злорадно Валюшка. – Я ходила поближе поглядеть. Вот тут морщины и вот тут. Поганка она, а ты – королева!

– Девки, – вдруг говорит Лариска. – Если морячки нас за своих приняли, может, мы все и вправду еще королевы?

– А я что говорила! – завопила Валюшка. – Ой, давайте сегодня не расставаться!

– У меня сухое есть. – Лариска поворачивается ко мне, смотрит на мою кислую физиономию. – А? Ау! Оля, очнись. Ну их всех к черту! Мужики приходят и уходят, а мы остаемся. И дети остаются. Ну? Улыбнись! Покажи зубки! Ну покажи, красавица...

Толкает меня в бок, Валюшка наваливается с другой стороны, мы возимся на широком сиденье, я поначалу вяло отбиваюсь, но вот уже не улыбнуться нет сил, барахтаюсь и смеюсь вместе со всеми – и мчится по Ленинграду наш повеселевший троллейбус...

Глава шестая

Дом с палисадником

Чудо, но в списке на овощебазу я себя не обнаружила. Подумала даже, что девчонки не шутили в ресторане. Но Кирилл Иванович держался со мной обыкновенно – не хуже, не лучше, чем всегда. Так или иначе, угроза миновала, и я забрала Антошку с пятнадцатки.

И снова со мной мой сынуля, мой бурундучок, мой солдатик при сабле и доспехах. Мы помирились на всю жизнь. Нам хорошо и весело вдвоем, и солнышко светит, и за окнами плывут осенние поля. Мы едем на электричке в Приозерск к моим родителям, к его бабушке с дедушкой.

Дом на улице Дачной, номер 20, старый наш дом с палисадником, из которого я отчалила в самостоятельную жизнь вот уже двенадцать лет назад. Соседские старушки на лавочке со мной чинно поздоровались. Просовываю руку к щеколде, отпираю калитку, поднимаюсь на крыльцо.

Встречает нас отец, загорелый, моложавый, несмотря на свои шестьдесят пять, старая рубашка хаки без погон вся забрызгана белой краской.

– Это кто к нам явился? Что за солдат, какого полка?

– Здравствуй, деда!

– Не по форме. Как я учил?

– Здравия желаю... вию!

Антошка взлетает на его сильные руки, отец целуется со мной.

– Витька приехал, мы ремонт затеяли.

Витька, брат, стоит в такой же, как у отца, рубашке, весь заляпанный, с кистью под потолком:

– Привет, чувырла.

– Привет, амбал.

– Детей нарожали, а ума не прибавили, – с укором констатирует отец. – А Витька у нас со вчерашнего дня – капитан!

– Капитану, – достаю я из сумки бутылку.

– Опять навезла? – отец сердится, но, тем не менее, заглядывает с любопытством в сумку, из которой я достаю гостинцы. – Ну даешь: огурцы! Мать их целую кадушку уже насолила. О, селедочка.

– А где мама?

Лицо отца мрачнеет, он ссаживает Антошку на пол.

– В церковь отправилась. Совсем твоя мать с ума спятила. За двадцать километров в автобусе ездит, это надо придумать...

– Деда, а что такое целков?

– ...а мне как прикажешь к этой блажи относиться? Офицеру!

– Ты же в отставке, – отвечаю я примирительно.

– Из партии меня никто не отставлял. И сын у нас не в отставке!

– Да ладно тебе, отец. – Витька спустился, стоит у порога, вытирает руки, вид озабоченный. – Так что... я за Нинкой сбегать?

Ох разгулялась я, живу от стола к столу. Пришла от соседей Нинка, жена Виктора, грудастая, щекастая, всего много, улыбка – за уши завязывай, разделали мы мою городскую закуску на кухне, вдарили по стопарю, пока матери нет, и пошел у нас душевный разговор.

– Во что верит? – горячится отец, с первой же рюмки раскрасневшийся. – Что она об этом знает? Где этому ее Богу есть доказательства?

– Вообще, вера доказательств не требует, – замечает Витька.

– Ты, оппортунист, молчи. Грехи решила на старости лет замаливать!

Тут Нинка возмущается, горячо и шумно:

– Ну, это вы глупости говорите, Николай Митрофанович. Какие грехи? Когда нам, работающим женщинам, грешить? Господи, и рада бы согрешить, да некогда! – И на всякий случай толкает Витьку в бок: шутка.

– Ты своих троих родила и сиди, не о тебе речь. А вот ты, – это уже мне, – допрыгалась в своем Ленинграде.

– Здравсьте.

– Вот тебе и до свиданья.

– До чего это я допрыгалась?

– А подумай. Как живешь?

– Да ладно тебе, отец... – Виктор тянется к бутылке.

– Нет, Витька, подожди, как я живу?

– Филиппу зачем дала уйти?

– Отец, да ладно, сколько можно об этом... – Что же мне, за хвост его было держать?

– Действительно! – возмущенно вздыхает Нинка.

– Женщина захочет – за что хочешь удержит.

– Ну вы даете, Николай Митрофанович!

– Отец, ты того... Больше майору не давать.

– Жила бы как все люди, полной семьей.

– Значит, важнее, по-твоему, казаться, чем быть?

– Вот, вот, с этого все и начинается. С этой самой философии, которую вам, дуракам, подбрасывают... – И вдруг суровость отца исчезает. – Генерал явился. – И на лице появляется радостная, но вороватая улыбка. – Здравия желаем, товарищ генерал!

На пороге кухни стоит мама. В строгом, черном платье, тоже удивительно молодая, без единой морщинки. Вся иконописная и отрешенная, что не мешает ей мельком и с презрением оглядеть наш стол.

Она молча уходит в комнату, и я вижу, как там крестится на иконы, потом возвращается, уже сняв платок.

– Антошка почему без куртки бежит?

– Тепло, мама!

– Антон в деда, солдат! – бодро заявляет отец, но глаза у него беспокойные.

– А ты, солдат, уже прикладываешься?

– Так дочка же приехала, как же... Под такое дело!

– Из стаканов, без скатерти, креста на вас нет. Надолго к нам?

– До завтра.

– Значит, завтра на рыбалку махнем! – подхватывает отец. – Витька, как насчет рыбалки?

Заговорили, заспорили о чем-то, мне непонятном.

– Здравствуй, дочка.

– Здравствуй, мама.

Мама глядит на меня, а я гляжу на маму.

– Все одна кукуешь?

– Все одна, слава богу.

Не верит, что слава богу, глаза печальные.

Мама, ты вовсе не строгая, а самая добрая и понимающая на свете. И тепло от тебя родное, и запах, знакомый с детства. И так бы стоять с тобой, обнявшись, долго.

– Выживу, мама, – не бойся.

Утро такое раннее, какого я в городе давно не видела. На речке тишина, дыхание слышно. Мужчины, включая моего Антошку, засели на берегу с удочками. Нинка разводит костер. А мы сидим с мамой на пригорке, среди высокой травы, говорим тихо, почти шепотом.

– Нас ведь как всю жизнь учили, – рассказывает мама, – будь готов! Живи начеку. С войны отца ждала – все время готовилась, что вот оно случится, вот случится. И в мирное время ночные тревоги, готовность номер два, командировки. Сидишь с вами, ждешь, вы еще несмышленные, кому поплакаться, кого попросить, чтобы минула отца чаша сия? Одного Бога. Стала молиться – спокойнее стало. Раньше тайком в церковь ходила, а теперь что таиться. – Мама смолкает на минуту, наклоняется ко мне: – К Богу, дочка, все больше людей прибегает. И молодежь. А у тебя Антошка некрещеный. Покрестить бы надо...

– Во! Попробуй у меня только!

Это отец отозвался. Как ни шептались – услышал.

– Ты уди, тебя не спрашивают! Время, Ольга, какое тревожное.

– Мировой войны она ожидает с минуты на минуту! – вставляет, посмеиваясь, отец.

– Чего ее ждать, когда она уже есть. И Афганистан тебе, и Иран... У Витьки в части тревоги чуть не каждую ночь.

– Мама, а может, обойдется?

Не верит, что обойдется, молчит, и лицо скорбное, словно всех нас уже похоронила.

На реке оживление, кого-то поймали.

– Тащи! – Да не так! – Дай мне! Я сам!

Блеснула в воздухе рыбешка.

– Мама! Я пойма-ал! Лыбу поймал!

Бегу смотреть. Действительно поймал какую-то кильку.

– По первому разу всегда везет, – говорит отец ревниво.

А Витьке не везет. Сидит в сторонке от всех, помалкивает и таит в себе надежду.

Я подошла к нему, села рядом

– Не клюет?

– Клюнет.

– Вить... У вас правда тревоги каждую ночь?

Витька усмехается:

– Мать у нас – находка для шпиона.

– Она за тебя, дурак, боится. А что, правда кто-то может на нас напасть?

– Ты тоже боишься?

Он-то, конечно, ничего не боится. Всегда был сам по себе и себе на уме. Сидит с удочкой, неколебимый, как скала.

– На хрена мы кому нужны... – вдруг говорит Витька очень тихо.

– Как это? – Я опешила.

– А вот так. – И я, словно увидев его впервые, замечаю, какие усталые и блеклые у него глаза. – Если и будет война, так оттого, что сами перередемся.

– Вить, а ты тоже в партии? – спрашиваю я, не переставая удивляться: вот тебе и скала...

Он будто не слышит, задумчиво смотрит на реку, кусает травинку.

– Женька, друг, из Афгана в цинковой упаковке вернулся. А в тот же день из нашей части три АКМ уперли. Идиотство, бардак. Ничего вы еще не знаете... – помолчал. – Служил бы я летчиком на границе, сел бы в машину...

– И что?

Он наконец повернулся ко мне, поглядел снисходительно и улыбнулся:

– Много будешь знать – скоро состаришься. А вам, бабам, этого никак нельзя.

Глава седьмая

Час от часу не легче

Не повезло больше Антошке. Единственная рыбка приехала домой в банке, и что самое интересное – живет, плавает по кругу, тычется носом в стекло.

А Антошка спит, усталый и счастливый.

Я прикрыла к нему плотнее дверь и села за телефон. Надо же узнать, что нового в доме.

– Лариска? Привет. Ты одна?

– Валюшка у меня. – Голос у Лариски взволнованный. – Тут такие события, скорей поднимайся.

Поднимаюсь. Валюшка сидит на тахте вся зареванная, под глазом держит рубль, а под рублем – синяк.

– Представляешь! Он ее избил!

– Как тварь! – подхватывает, всхлипывая, Валюшка. – Я прошу: только, пожалуйста, в лицо не бей, как я в саду покажусь? А он... Как тварь!

– А что случилось?

– Приревновал, видите ли, Отелло с клюшкой!

– Я ему честно сказала: была на дне рождения, у Лариски можешь спросить, а он...

– Кто тебя за язык тащил? – говорит Лариска.

– Чего же мне было врать, если ничего не было? Он спрашивает: танцевала? Я говорю: подумаешь, всего два раза с одним мальчиком. А он: провожал? Я говорю: подумаешь, всего до остановки, а он... Как тварь! – снова захлебывается Валюшка от этого жалостливого слова.

Я сажусь рядом, глажу ее кудряшки.

– Дура ты у нас, Валюшка. Ты Сашку знаешь, зачем лезешь на рожон? Ври во спасение.

– А еще лучше – бросай его, подонка! – вышагивает по комнате Лариска. – Было бы от кого терпеть. Уже давно ежу ясно, что он как спортсмен не состоялся.

– Я его боюсь...

– Убьет он тебя, что ли?

Валюшка уверенно, почти восторженно кивает:

– Убьет! Ты бы видела, какие у него глаза были! Белые!

– Вообще, такой может убить, – подумав, соглашается Лариска.

– Он столько всего в жизни пережил, у него такой характер взрывной, неустойчивый, – удобнее прилаживая рубль, рассказывает Валюшка. – И столько интриг в команде вокруг него, что он сейчас всё может, он... Ой! – вдруг переходит Валюшка на шепот, и глаза у нее от страха округляются. – Это он!

И мы тоже замираем, потому что в прихожей звенит звонок.

– Не открывай... – одними губами лепечет Валюшка.

– А если не он?

Звонок звенит настойчиво. Мы все на цыпочках подкрадываемся к двери.

– Кто там? – не выдерживает Лариска.

– Ларис, Валюшка у тебя? – Он.

– Ты с ума сошел. Я сплю.

– А где она?

– Я почему знаю....

– Открой на минуточку.

Заминка. Валюшка шепчет:

– Скажи, не одна...

– Я не одна.

- Брось врать, с кем тебе быть?
- Ты что – дурак? – Лариска вдруг обиделась.
- Я же слышу ее голос. С кем она у тебя?
- Сказано – ни с кем!
- Значит, так. Или открываешь, или я ломаю дверь.

Пауза. И вдруг – страшный удар по двери, вздрогнула вся квартира, качнулся кувшин на полке.

- Ненормальный! Хулиган! Я милицию вызову!

Бум!.. – еще удар.

Валюшка в ужасе бежит в комнату, мечется, прикладывает ладошки к щекам:

- Он сломает, правда сломает... Знаешь, сколько в нем весу?

Снова вздрагивает квартира.

Мы мечемся по комнате, Лариска – в прихожей:

- Паразит, кто мне дверь чинить будет!

- Может, правда, вызвать милицию? – шепчу я.

- Да ты что! – ужасается Валюшка. И, приняв отчаянное решение, подбегает к двери. –

Сашка, перестань немедленно, слышишь? Ларискина дверь тут ни при чем!

- Тогда выходи, – голос за дверью.

– Не выйдет она! – выталкивает Валюшку из прихожей Лариса. – И вообще больше не ходи, не желает она иметь с тобой никаких отношений! А ты, дура, если выскочишь...

- Да ты что, ни за что, клянусь!

Бум!.. Страшнее прежнего.

Валюшка принимает новое решение:

- Надо звонить Герберту, он его послушается, пусть приедет...

- В Москву? Он же москвич.

- Да нет, он здесь, выставку готовит.

- Есть телефон?

Валюшка лихорадочно листает записную книжку.

- Вот...

Бум!..

– Да что же он! – Валюшка в сердцах бросает книжку и опять бежит к двери. – Сашка, у тебя ключица травмирована, тебе нельзя, перестань сейчас же!

Бум!..

- Прекрати, гад, у меня ребенок спит!

Бум!..

Надо действовать. Нахожу в книжке телефон, набираю.

– Герберта Мартыновича. Здравствуйте, Герберт. Это Оля, подруга Вали, девушки Саша. Необходимо, чтобы вы срочно приехали. Ваш приятель ломает дверь. Валя говорит, что он вас слушает. Вы можете приехать?

Легкое недоумение, но ответ четкий:

- Да, конечно.

- Адрес помните?

- Конечно, да. Я сейчас буду.

От очередного удара затрещала дверь. Но и за дверью вдруг наступило затишье. Прислушиваемся.

- Ч-черт...

- Саша! Ты ушибся?

Молчание.

- Сашенька!

– Иди отсюда, дура, – шипит Лариска.

– Сама дура! – взрывается Валушка неожиданно. – У него ключица! И вообще – заведи своего мужика, им и командуй!

И, сметая ошеломленную Ларису, открывает дверь, выскакивает на площадку.

Сашка сидит в углу на полу, держится рукой за плечо, зубы стиснул, лицо бледное.

– Что же ты, глупенький? Больно? Разве тебе можно? Ну вставай...

– Отвали.

– Очень больно? Можешь идти? Сашенька... Ну скажи?

– Отвали от меня, сказал.

– Вставай, пожалуйста. Вот так... Осторожно, ступенька.

Полюбовавшись этой милой картиной, возвращаюсь к Лариске. Та свирепо захлопывает дверь. От этого удара падает наконец с полки и разбивается кувшин. И я вижу слезы на Ларискиных глазах.

– За что? Тысячу раз зарекалась: в ваши дела не вмешиваться. За что она меня?

Ну вот, теперь надо Лариску успокаивать. Я обнимаю ее, глажу по голове.

– Ну дура, озверела от любви. Ей же хуже. Зато я у тебя умная-разумная, никто нам не нужен, и сейчас мы с тобой за это выпьем.

– Нету...

– Ну чаю!

Не успела спуститься от Лариски домой – торопливый звонок в дверь.

– Кто?

– Оля?

– Да...

– Это Герберт.

Действительно, Герберт стоит на пороге. Такой же, как в тот раз подтянутый, только сегодня без галстука. И я вспомнила...

– Господи, – всплеснув руками, говорю я. – Извините ради бога! Я вам отзвонить забыла, что все уже уладилось...

Он успокоил:

– Ничего. Нет проблем.

– Ой, как нехорошо получилось... – Я дергаю чертов выключатель, который в моем репертуаре. – Если честно, я вообще не очень надеялась, что вы приедете.

– Вы ведь просили.

Вот, еще и обидела человека. Нескладная ситуация.

– Может, хотите чаю? – спрашиваю я.

Тут свет наконец зажегся.

– Спасибо. – Герберт посмотрел на выключатель. – А отвертка у вас есть?

– Не знаю...

– Или нож.

Принесла ему из кухни столовый нож. Он встал, сняв туфли, на табурет, что-то поковырял в выключателе и дернул шнур. Погасло с первого раза. И загорелось – с первого.

– Извините. – Он возвратил нож. – Не выношу, когда техника не в порядке.

– Это вы извините, – лопочу я, все переживая и разводя руками. – И так ни за что сорвала вас с места, вы, наверное, уже отдыхали.

– Это был телефон на выставку. – Он спустился, надел туфли.

– Вы так поздно работаете?

– Приходится. Скоро открытие.

– Может, все-таки чаю? Или кофе? – снова предложила я, не зная, чем еще можно быть ему признательной.

– Нет, нет. Мне нужно идти. Доброй ночи, – он улыбнулся. – Надеюсь, больше чепэ не будет.

– Заходите к нам просто так, – говорю я, провожая его к двери. – Без всяких чепэ! Лариса будет очень рада.

Он остановился у двери, поглядел на меня внимательно.

– Спасибо. Я позвоню – вам, если вы раз решите.

– Конечно! Обязательно! До свидания!

Ушел. Уехал на своей иномарке.

Надо позвонить Лариске, рассказать, какие бывают, оказывается, на свете джентльмены...

Глава восьмая

Я выхожу замуж

Выпал первый снег.

Я стою на краю тротуара, возле нашего института, а снег идет крупный, мокрый, пушистый, скрывая под собой зеленую еще траву. Маленькие островки остались на газоне, скоро и они побелеют.

Кто-то подошел и остановился рядом со мной. Чувствую, что Вадим. Я его всегда чувствую, за километр. Помолчал.

– Хоть поздороваться разреши.

– Здравствуй, Вадим.

– Совсем забыла старых друзей. Это как понимать?

– Понимай как хочешь.

– Значит, старой дружбе конец?

– А мы, оказывается, дружили?

Не ответил.

– Расскажи хоть, как живешь. Почти два месяца не разговаривали. Что нового в жизни?

– Я, Вадим, замуж выхожу.

– Вот оно что, – присвистнул он. – А я-то думаю, что это малыш от меня бежит...

– А ты думал, малыш всю жизнь будет за тобой бегать? – говорю я, улыбаюсь и ненавижу его в эту минуту.

– Поздравляю. Кто этот счастливец?

– Неважно. Человек, который, в отличие от тебя, хочет, чтобы я была счастливой.

– Почему, я тоже желаю тебе счастья. От всей души.

– Спасибо на том.

– Оля...

– Ну что тебе еще? Что? – резко оборачиваюсь я.

Он глядит испуганно, растерян.

– Ничего... Хотел предложить подвезти тебя, по старой памяти.

– Спасибо, меня подвезут.

Он медленно идет к стоянке. Даже не попрощавшись. Ничуть мне тебя не жалко, ничуть. И вот моя машина показалась, белый «мерседес», и гляди, гляди ошалело, как мне открывают дверцу, как помогают сесть, перекинуть ремень и как уносимся мы по улице, разбрызгивая мокрый снег!

Едем по городу лихо. Руки Герберта в перчатках с дырочками уверенно лежат на руле, и сам он, уверенный, в строгом черном пальто ведет машину легко, сидит, не шелохнувшись.

– Что за погода у вас в Ленинграде?

– Да уж такой климат.

– Ноги не промокли?

– Нет, что ты, ничего.

Мельком глянул вниз. На мои, прямо скажем, не новые сапоги – не успела ноги спрятать. Потом, не меняя позы, достал что-то из «бардачка».

– Из Европы грипп идет. Закапывай две капли в нос, по утрам.

Я разглядываю яркий пузырек.

– А Антошке можно?

– Ему – одну. Кстати, я записал его в бассейн.

– Правда? Вот хорошо! Плавать наконец научится.

– И закалка необходима парню. Извини...

Это нам свистнули. Сворачиваем к тротуару. От перекрестка медленно, помахивая палочкой, идет милиционер.

– Момент, – говорит Герберт, спокойно выходит, а через минуту возвращается, и мы трогаемся.

– Чего он от тебя хочет?

– Уже ничего. Все о'кей.

И мы снова едем, обходя «Волги» и самосвалы. Сворачиваем в переулок, подаем куда-то задом и останавливаемся.

– Подождешь минутку?

– Конечно.

– Я быстро. Полистай, чтобы не скучать.

Кажется, последний.

Сию, листаю глянцевого заграничного журнала. Улыбаются красотки-манекенки, дамы в немислимых туалетах пьют коктейли, супермены курят «Кент» и «Мальборо». А вот кого-то убили: взорванная машина, труп и кровь на асфальте, полицейские – репортаж на десять страниц, и ничего не понятно, все на заграничном языке.

Хлопнула дверца. Герберт бросил сверток на заднее сиденье, обошел машину, сел за руль.

– Герберт, тебе не страшно работать за границей?

– Почему?

– Там вон, видишь, всякие страсти-мордасти, террористы.

Усмехнулся. Тронул машину, потом отвечает:

– Нет. Не страшно.

Больше ничего не объяснил.

– Ты свободна послезавтра вечером?

– Да, а что?

– Будет прием по поводу закрытия выставки. Большого веселья не обещаю, но если бы пришла – был бы рад.

– Ну конечно, зачем спрашиваешь.

– И Лариску бери, Валушку с Сашей, пусть оживляют общество. Прости, забыл, где поворот?

– Вон, дальше.

Подъезжаем к детсаду. Бегу, возвращаюсь с Антошкой. Размахивая пистолетом, он деловито забирается на заднее сиденье.

– Здравствуйте!

– Привет, друг Антон. Как жизнь молодая?

– О'кей! – Снова едем.

– Ну-ка, давай сюда. – Не оборачиваясь, Герберт ухватывает Антошкин пистолет. Легкая борьба, пистолет в руках Герберта, а вместо него откуда-то из-под сиденья возникает автомат, да какой! И вот он в руках Антошки, окаменевшего от счастья.

– Что надо сказать Герберту Мартыновичу?

– Спасибо...

– Теперь ты оснащен самым современным оружием. Вернее, его точной копией.

– Ты его балуешь, Герберт.

– Та-та-та-та! – почти по-настоящему строчит автомат, и разноцветные лампочки загораются на нем, к упоению Антошки.

– Герберт, – говорю я, тронутая его вниманием.

– А это – тебе. – Он снова протягивает руку и достает сверток с заднего сиденья.

– Ой, что это?

Разворачиваю – новенькие сапоги. Осенние, на самом модном низком каблучке.

– Герберт, я ведь тебя просила... – шепетильное огорчение борется во мне с радостью.
– Хочешь – можешь выбросить, но я лично против того, чтобы ты ходила с мокрыми ногами.

– Ну что ты... Я просто... Конечно, спасибо.

Антошке легче относиться к жизни. Та-та-та-та – за моей спиной, в окно расстреливает прохожих, обо всем на свете забыв.

Вот и мой дом.

– Будь здоров, Антуан, – протягивает руку Герберт.

– Ты не зайдешь?

– Нет возможности. Надо вечером встречать делегацию. Утром я закину продукты...

– Герберт...

– ...и абонемент в бассейн, а насчет завтрашней поездки я позвоню сегодня попозже.

Я выхожу, но Антошке выходить очень не хочется. Изобретает, что бы еще спросить, чтобы оттянуть расставание.

– А... У Лембо – такой автомат?

– У Рэмбо, это он у бабы Сони по видуку смотрел.

Герберт объясняет серьезно и обстоятельно:

– Может быть. Но, видишь ли, Рэмбо – это плохой солдат, в него хорошему мальчику лучше не играть.

– Почему?

– Идем, Антон, Герберту Мартыновичу нужно работать.

– А вы кем работаете?

– Как тебе сказать, Антон... Немножко покупаю, немножко продаю.

– Вы продавец?

– Идем, Антошка, – смеюсь и вытягиваю его из машины.

– Гуд бай, фрэнд Антон!

Герберт машет рукой, поднимает стекло, и «мерседес», круто развернувшись, исчезает. А мой напроць покоренный Антон долго и восхищенно глядит ему вслед.

Назавтра у Герберта выдалось все-таки три свободных часа, за час мы домчались до Приозерска. Белый «мерседес» стоит возле нашего дома на Дачной, окруженный восхищенными мальчишками, а за рулем сидит Антон, надутый от гордости, как пузырь!

Витька уже уехал, ремонт закончен, в доме чистота.

На кухне накрыт стол, отец при параде, в кителе, мама в платье с кружевным воротничком. И мы все наблюдаем за Гербертом, который, сняв пиджак, ползает на коленях под тумбочкой, прилаживая у розетки провода. А на тумбочке стоит чудо-техника, белая микроволновая печь.

– Какое у вас напряжение? – поднимается Герберт, отряхивая брюки.

– Нормальное, как у всех. Двести двадцать.

Отец держится хорошо, с радушным достоинством, а у мамы, как ни силится она быть радушной, в глазах почему-то ужас.

Герберт чем-то щелкнул, загорелась на печке красная лампочка.

– Ну вот. Готово к употреблению. Кладете продукт сюда, – показывает Герберт, – устанавливаете режим и время, захлопываете. Когда будет готово, зазвонит само.

– Это чье же? – рассматривает отец диковинку.

– Наше, опытный образец.

– Умеем ведь, если захотим!

– Умеем, Николай Митрофанович. – Герберт смотрит на пыльные ладони и одновременно, едва заметно, на часы. – Варвара Петровна, где руки можно помыть?

Мама словно очнулась.

– Идемте. Сюда...

Герберт двинулся за ней, задержался у стены, на которой висят несколько старых фотографий, кивнул:

– Это Оля?

– Оленька, – мягкая, кивает мать. – Семь лет ей здесь, как раз в школу пошла. Вот – с портфельчиком.

– А это – вы.

Мама отмахнулась:

– Была я. Только когда это было...

Герберт посмотрел на маму и снова на портрет.

– Почему – были? Вы и есть, очень похожи.

Мама не то чтобы совсем смягчилась, но ужаса в глазах немного поубавилось.

– Это мы с отцом и Витей, старшим нашим, – показывает уже сама. – В Сочи, в санатории. Если вам интересно, хотите, еще Ольгу покажу? На выпускном вечере, со всем классом.

– Очень интересно. – И они с Гербертом вышли.

– Ну что ж, – рассудительно заключает отец, когда мы остаемся одни. – Мужик хозяйственный. Вежливый. Какой человек – не знаю. Но если ему доверяют страну представлять за границей – значит, человек проверенный. – Налил себе, пока матери нет, выпил. Волнуется, вижу. – А что же он сейчас не в Женеве? – спрашивает невзначай, но ясно, что не сию минуту этот вопрос у него возник.

– Выставку здесь организовывал. И кроме того, он с женой развелся.

– А без жены, значит, там не положено?

– Папа, ну о чем ты... – Ох до чего же мучительна эта обязательная процедура знакомства. – Что, ну что ты имеешь в виду?

Он понял, помолчал.

– А я такой порядок одобряю. – И кивнул, словно сам себя убеждая. – Это правильно. У холостых за границей мысли с государственных дел сбиваются. Ты тоже разведенная... Может, набрались оба ума-разума, заживешь наконец путем. Когда расписываться решили?

– Не знаю. Мы еще ничего не решили, давай пока не будем об этом...

– Вот тебе раз. А мы думали – будет что-то вроде помолвки. Мать вон сколько всего наготовила.

– Папа, мы посидим немножко, обязательно, но только у него очень мало времени, и, когда я скажу, что нам пора, – давай без демьяновой ухи, ладно?

– Не учи ученого. Не такой уж твой отец солдафон...

– Я знаю.

– ...был за границей. Прага, Берлин... В сорок пятом году. До Женевы, правда, не дошел, – он поглядел на меня и улыбнулся, но как-то невесело. – Что ж, дочка дошагает.

На церемонии закрытия выставки, где Герберт не обещал большого веселья, веселья никакого и не было.

Какие-то дядьки произносили речи про дружбу и техническое сотрудничество, про контакты и контракты, и пока это все длилось, мы с Лариской, Валюшкой и Сашкой стояли в толпе, как чужие на празднике.

Правда, я одно поняла: Герберт действительно тут самый главный, и, как один оратор отметил, не будь его, никакой бы выставки не было. И ни контактов, и ни контрактов. Герберт стоял далеко от меня, в центре событий, у камер и микрофонов, затянутый в серый костюм и в бабочке. Я все пыталась поймать его взгляд, но Герберт был строгим, важным и неприступным.

Зато потом, когда церемония закончилась, отщелкали камеры, погасли прожекторы и сыграли гимн, – все как-то быстро переменялось. Толпа направилась к экспонатам, дядьки, произносившие речи, – через площадь, к гостинице Морфлота, а все остальные, которых немного осталось, – в дверь налево. За ней оказался уютный зал приемов, и мы под руководством Герберта очутились в этом зале.

Самые активные сразу же бросились к столу с выпивкой, закуской и горками тарелочек. А тем, кто остался около Герберта, – видимо, самым близким сотрудникам и друзьям, – он, взяв меня под руку, представил очень значительно:

– А это – Ольга.

И все посмотрели на меня с пониманием и уважением.

Играет негромкая музыка, гости стоят и сидят с тарелками и рюмками в разных концах зала, кто такие – непонятно, одеты разношерстно, говорят на самых разных языках, едят и пьют, и вообще – обстановка непринужденная. Только вот мое положение не очень понятное. Вроде бы я здесь такой же гость, как все, а вроде бы и хозяйка – во всяком случае, гости после заявления Герберта, кажется, так меня воспринимают. Сам Герберт расхаживает среди гостей с рюмкой, ободряюще улыбается мне издали, и я улыбаюсь ему, улыбаюсь гостям направо и налево. Вот Лариска – та поразительно быстро здесь освоилась: дымит, тянет коктейль, режет правду-матку бородатому иностранцу:

– Если бы нашим специалистам платили так же, как вашим, еще неизвестно, кто бы двигал технический прогресс. Талантов в России – навалом! Вот у нас, скажем, есть один мужик на автобазе...

Улыбаюсь ей, улыбаюсь ошалевшему бородачу.

А Валюшка грустная, насупившись, сидит в углу, делает вид, что глядит журнал. А сама напряженно следит за Сашкой, который нетвердой походкой, но сияя, как самовар, несет через зал стакан с джусом какой-то коротко стриженной диве.

– Валюнчик, мой хороший! Ау! – приветливо подхожу я.

– Ну как можно быть таким неустойчивым? – в отчаянии отзывается Валюшка. – Ведь все было так хорошо! Он опять не режимит. Опять набрался, ты посмотри! А эту курицу щипаную я сейчас убью...

– Сиди, не дергайся, я сама ее прикончу, – говорю я и направляюсь разрушить Сашкин альянс – но по пути встречаюсь с Гербертом, и он незаметно берет меня за руку.

– Ну как? Очень скучно?

– Люди незнакомые. А вообще...

– Идем. – Он тянет меня за собой. – Сейчас момент, когда их можно пустить на самообслуживание.

Мы выходим в выставочный павильон, Герберт открывает одну из стеклянных дверей, пропускает меня в небольшую комнату. Дверь закрывается, и сразу становится тихо. Рекламы, проспекты, каталоги, кофеварка, напитки в зеркальном баре. А кресло мягкое, сразу утопаешь в нем.

– У тебя здесь уютнее.

Он чуть расслабил ворот рубашки.

– Там – для всех, здесь – для себя. Кока, джус?

Наливает сок в высокий стакан, щипцами аккуратно бросает лед.

– Как в кино, – говорю я.

– Профессиональные навыки.

Чокаемся на расстоянии стаканами с джусом.

– Я знаешь, где родился? Не поверишь. На острове Цейлон. Ныне Шри-Ланка. Отец там консулом работал. С восьми лет жил в Союзе, закончил ЛЭИ. Но, видимо, гены предопреде-

ляют судьбу – опять попал за рубеж. Можешь иронизировать, но я люблю свою работу. Не могу без нее. Как альпинист без гор. Не могу без этой самой опошленной обывательскими суждениями «загранки». И снова поеду, сегодня решилось.

Он поймал мой взгляд, задержавшийся на рекламном плакате с иностранными надписями и с видом большого дома на берегу озера, подошел к нему.

– Женевское озеро. Наше представительство. А вон, на третьем этаже, шесть окон справа – мой офис и моя квартира. И твоя. Если ты решишь...

Я вздрогнула, хотя каждый день ждала этого вопроса.

– А что... Уже нужно решать?

– Я тебя не торопил, но обстоятельства торопят. Во-первых, выставка закрылась, я возвращаюсь в Москву. Ты должна поехать со мной, нужно успеть подать заявление в ЗАГС, бумаги на оформление. Если я еду в Женеву... с женой...

– А во-вторых?

– Во-вторых, в Москву послезавтра приедет из Лондона мой отец. Он бывает дома не так часто.

– И что?

– Это замечательный человек. Не потому – что он мой отец и один из лучших дипработников. Он просто умница – поверь. Он один разглядел, что моя... бывшая была дрянь. Но не в этом дело. Теперь я сам поумнел и хочу, чтобы он знал это. Таких счастливых билетов, как ты, дважды в жизни не вытягивают. И я хочу знать, могу ли я представить отцу тебя как свою невесту и мать его будущего внука.

Не по себе мне. Может быть, оттого, что сквозь спокойный тон Герберта, сквозь его обычную сдержанность сейчас явно проступает непривычное волнение. Таким я его никогда не видела.

– Герберт, милый... Я еще не готова.

– Я понимаю, и уважаю это. Но когда?

– Это не так просто... Скажи, только честно. А ты меня любишь?

В его взгляде мелькнула обида.

– Сказать – для тебя значит больше, чем доказать? Ох, не мучай меня, не мучай...

– Герберт. Ты внимательный, добрый, великодушный, я это очень ценю. Но будь великодушным еще немного. Я обещаю тебе ответить, очень скоро.

– Когда?

– Завтра...

– О'кей! – сказал он и улыбнулся. – Теперь время вернуться к этим чертовым гостям. – Встал и снова затянул свой воротничок.

Вышли к народу. Герберт оставил меня и направился провожать бородача. Гостей в зале заметно поубавилось. Сашка пропал, стриженная тоже. А где же Валюшка? Не видно. Пошла искать, и меня, как танк, чуть не сшибла Лариска.

– Валюшку не видела?

– Не видела. Может, с Сашкой ушла? Подожди, – останавливаю я ее, и по моему лицу Лариска сразу же замечает мою душевную маету.

– Ты что, Ольгунька?

– Лариска. Я должна дать ответ.

– Ну, и?

– Я не могу.

– А какой еще может быть ответ? – заявляет Лариска безапелляционно. – Конечно – да.

Я удивленно гляжу на нее:

– А почему «да»?

– А почему «нет»?

– Потому что за границей работает? Потому что Женева, озеро?

– При чем здесь это? Хотя данный факт, конечно, тоже с баланса не сбросишь. Поедешь, мир поглядишь. А главное, – говорит Лариска, – это то, что он – настоящий мужик!

– А другие не настоящие?

– А что другие! Что они умеют: ля-ля, тополя, пришел-ушел, «не грусти, малыш». А за Гербертом вы с Антошкой как за каменной стеной будете. Ты смотри, какой он умный мужик: где бы тем, другим, разглядеть, что рядом с ними живет баба, красивая, молодая, с которой счастлив будешь по гроб жизни: все у нее для этого есть – и опыт, и ум... Даже ребенок есть уже готовый, пеленки стирать не надо! И ласки вагон нерастраченной. Только все это в замороженном виде – приходи, отогрей вниманием, и не надо ста тысяч выигрывать. Так кто-нибудь из других-то это разве разглядел? А твой Герберт еще в первый вечер усек. Поэтому иди за него, не раздумывай, а что мы с тобой про женскую самостоятельность говорили – наплевать и забыть! – закончила Лариска свое удивительное выступление.

Только мне почему-то от ее справедливых слов жизнь не стала яснее и вопросов не убавилось.

– Ох, Лариска, легко тебе со стороны...

– А я могу и не со стороны, – отважно заявляет Лариска. – Будешь долго раздумывать – сама на него глаз положу. Учти!

Вернулась домой. Переделалась, платье висит на плечиках, туфли сиротливо стоят рядышком. Антошка сегодня у Софьи ночует, и нет без него привычной, успокоительной суеты. Тоска зеленая, маета, хожу по комнатам, хочу чем-нибудь заняться, все из рук валится, а ноги сами ведут к телефону.

Набираю Валюшку – номер не отвечает, Лариске звонить нечего, поговорили. Да и совсем не тот мне номер нужен... Набираю его, запретный. Женский голос в трубке:

– Аллю!

Молчу.

– Аллю!

Тянусь пальцем нажать на рычаг – и вдруг:

– Девушка, подождите, не кладите трубку! Я догадываюсь, что это – вы. Пожалуйста, не кладите! Это жена Вадима. Я не знаю, как вас зовут, но это ведь вы? Да?

Я так и застыла с пальцем на рычаге.

– Это вы. Я знаю, как вы молчите. Знаю, что у вас роман с Вадимом, и давно. И что вы моложе меня, лет на десять, да? И красивая. Он бы себе не позволил некрасивой. Как он вас называет – «малыш»? Аллю! Вы слушаете? Значит, вы любите Вадима? Ну так берите! Милая девушка, я ведь его не держу. Просто мы с ним двадцать три года вместе. Это уже, наверное, что-то другое, больше, чем любовь. Во всяком случае сильнее... Не верите? Жалеете меня? А вот жалеть меня не надо. Вы мне не соперница, разве что товарищ по несчастью.

И гудки в телефонной трубке.

Глава девятая

День приезда, день отъезда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.